ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 78 (3107) Четверг, 2 июля 1953 г. Цена 40 коп.

О строительстве больниц

Проф. А. БАКУЛЕВ,
депутат Верховного Совета СССР

Существует у нас еще дурная традиция — не побоюсь назвать ее пренебрежением к строительству больниц. В строительных учреждениях установилась даже своеобразная «лестница очередности» — сначала выстроим промышленное предприятие, затем жилые дома, потом школу, клуб, стадион, а потом уж больницу. Определяется это мерой ответственности: за успешное окончание строительства больницы особенно хвалить не будут, за это даже не платят премиальных, а за срыв строительства лечебного учреждения обычно не наказывают. Поэтому строители предпочитают заниматься теми объектами, за которые больше спросят.

Недавно мы познакомились с любопытным документом. В письме, присланном из Совета Министров Украины министру угольной промышленности СССР тов. Засядько, говорится, что деньги на строительство больниц по республике использованы министерством за три месяца нынешнего года лишь на 12 процентов. Неудовлетворительное выполнение плана объяснено прямо: руководители угольных предприятий считают больницы «второстепенными объектами» и не обеспечивают их рабочей силой и материалами.

Это не единственный случай. Получают такие письма и министр легкой и пищевой промышленности СССР тов. Косыгин и министр лесной и бумажной промышленности СССР тов. Орлов. Представьте себе, что тов. Засядько узнал бы, что средства, выделенные на строительство шахт в Донбассе, освоены за три месяца на 12 процентов (именно так обстоит там дело с больницами!), а тов. Косыгин получил бы сведения, что в июне еще не заложены фундаменты крупных текстильных фабрик (именно так обстоит дело с новыми, запланированными на этот год лечебными учреждениями в г. Калинине и на Ивановском меланжевом комбинате!), —руководители министерств, конечно, приняли бы действенные меры и примерно наказали бы виновных. Почему же, когда тревожные сигналы касаются больниц, можно ограничиться лишь «дачей указаний об обеспечении выполнения плана»?

Больничным строительством у нас занимаются многие учреждения — городские и областные исполкомы, министерства здравоохранения, различные ведомства. Но основная доля капиталовложений принадлежит промышленным министерствам, о них и следует поговорить в первую очередь.

Пять лет назад обязанность министерств строить больницы была узаконена. И если бы это постановление неукоснительно выполнялось, то уже сегодня мы забыли бы о коечном «голоде» и нам не пришлось бы выступать с этой статьей.

Из ряда писем читателей, из сообщений корреспондентов «Литературной газеты» выявляется довольно неприглядная картина. В прошлом году промышленные министерства использовали всего 82 процента средств, отпущенных на строительство больниц. Работники цветной металлургии освоили 48,1 процента, машиностроения и приборостроения — 37,6, легкой промышленности — 27,2. В 1953 году картина не меняется. Из десятков и сотен миллионов рублей, ассигнованных на строительство больниц, попрежнему используется лишь часть. Снова в министерствах угольной промышленности, металлургической промышленности, машиностроения и путей сообщения планы строительства лечебных учреждений находятся под угрозой.

Надо сказать, что и использование средств не означает еще ввода в строй готовых лечебных учреждений. Можно ведь начать десятки, сотни строек и не сдать в эксплуатацию ни одной больницы. Вот о чем говорят цифры за прошлый год: Министерство нефтяной промышленности окончательно подготовило и сдало помещения только на 10,7 процента запланированных больничных коек, бывшее Министерство транспортного машиностроения — на 5 процентов, а Министерство легкой промышленности — и вовсе ничего. Поликлиника химического завода во Владимире, больницы Ново-Тагильского металлургического завода, Никитского доломитного комбината (Донбасс), таганрогского завода «Красный котельщик» и десятки других больничных зданий строятся вместо положенных года-двух уже пять, шесть, а то и восемь лет. На Владимирском тракторном заводе дебаты о новой поликлинике и больнице ведутся уже семь лет! «Мы не хотим распыляться», — заявляет директор завода тов. Слободчиков. К сожалению, такой не желающий «распыляться» на больницы хозяйственник не одинок. «Зачем мне, — рассуждает подобный директор, — строить больницу, которую я, в конце концов, отдам горздравотделу, и будет наша больница, кроме наших рабочих, обслуживать еще и чужих. Нет, не буду строить на «дядю»...

«Завод — наш, рабочие — наши, значит, и больница должна быть наша, иначе она не нужна...» Сторонников «ведомственной» медицины у нас еще немало. Делят они городское население на «своих» и «чужих». «Чужие» — это учителя, которые учат детей рабочих, текстильщики местной фабрики, которые одевают город, служащие, продавцы магазинов... На наш взгляд, это антигосударственная, чуждая нашему обществу мораль. Иначе ее не назовешь.

***

Проверка исполнения — решающее условие успеха в любом деле. К сожалению, об этой старой истине забывают те, кто обязан контролировать ход больничного строительства, — местные советские органы. Если иной директор завода не понимает, а, бывает, не хочет понять, что рабочим нужна больница, то напомнить ему об этом должна не только заводская общественность, но и городские организации, и облисполком, и облздравотдел. Мы убеждены, что от позиции общественности и местного Совета в этом вопросе зависит не только объем, но и темпы, и качество работы. Где городской Совет — пассивный зритель, там больницы строятся медленно и плохо — это правило.

В Таганроге, на заводе имени Андреева, решено было в 1949 году строить больницу. Вырыли котлован, обнесли территорию будущего лечебного городка забором и... прекратили работы на три года, так как министерство отказало в деньгах. По нормативам завод должен иметь стационар на 110 коек, но руководители министерства решили строить на 60. А городские власти, вместо того чтобы требовать, настаивать, добиваться исполнения правительственного решения, пошли по самому легкому пути — согласились на 60 коек.

Наоборот, там, где горисполком интересуется больничным делом, где он тормошит строительные учреждения, не идет на поводу у нерадивых руководителей, — там планы и сроки строительства больниц выполняются.

В Харькове больничным строительством серьезно занимаются постоянные комиссии местных Советов. На заседаниях они слушают отчеты директоров заводов и в случае необходимости сами связываются с союзными министерствами. Депутаты прикреплены к отдельным стройкам и тщательно контролируют их. Результаты харьковчане уже видят: полным ходом идет строительство больниц и поликлиник при заводах «Серп и молот», тракторном, начинают строить лечебные учреждения заводы ХЭМЗ и транспортного машиностроения.

Но не у всякого предприятия хватит сил и средств на самостоятельное строительство. Отсюда возникает необходимость кооперированного строительства в случаях близкого размещения промышленных предприятий. Кто, как не местный Совет, должен собрать директоров этих предприятий, объединить их усилия? Казалось бы, дело простое и ясное. К сожалению, нам приходилось наблюдать, как на практике оно часто превращается в запутанную волокиту. Сначала ни одно из ведомств не хочет брать на себя инициативу переговоров. Все выжидают — может быть, выстроит больницу сосед. Но вот в Красноярске с помощью городских властей директоров собрали. Они согласились — деньги дадим, но пусть строят другие. Разговоры идут и по сей день, а красноярцы ждут, когда же начнется долгожданное строительство.

Я думаю, что направлять и контролировать строительство больниц должно определенное учреждение. Логика вещей говорит, что таким руководителем должно стать союзное Министерство здравоохранения. Пока что это не так: министерство здесь не хозяин, и большое государственное дело пущено, по существу, на самотек. Огромная работа не координируется, не осуществляется жесткий государственный контроль за выполнением планов.

Попробуйте, например, в Киеве узнать о ходе строительства лечебных учреждений. Из Киевского городского и областного отделов здравоохранения вас пошлют в Министерство здравоохранения УССР, потом — в Совет Министров УССР и Госплан республики, оттуда — вновь в Министерство здравоохранения. Круг замкнется, а нужных сведений вы так и не получите.

Между тем на Украине немало начатых, подведенных под крыши, а то и почти готовых уже зданий (к примеру, больница на шахте имени «Правды» в Донбассе) стоят и ждут окончания работ. Может быть, строительство окончится завтра, а может, протянется еще не один год — никто об этом ничего не знает...

На состоявшемся недавно заседании коллегии Министерства здравоохранения СССР немало было говорено о больничном строительстве. Коллегия министерства приняла специальное решение, создан даже отдел контроля за строительством. Какова практическая ценность этих решений, покажет жизнь. Хочу верить, что министерство сумеет возглавить и организовать строительство лечебных учреждений так, как этого требуют интересы советского здравоохранения.

***

Средний возраст большинства московских больниц — сто лет. Есть здания и постарше: главный корпус 4-й городской больницы (Павловский) выстроен в 1763 году, клиника 1-го медицинского института (бывшая Ново-Екатерининская больница)— в 1775 году, 1-я городская больница (бывшая Голицынская) — в 1801... Наша столица строится ныне целыми улицами, кварталами, районами, но море новых зданий обтекает, как неприкосновенные, эти старинные больничные островки.

Строились они когда-то по специальным проектам и, очевидно, удовлетворяли медиков прошлого века. Сейчас же размещать в этих зданиях больных, а главное — успешно лечить их становится все труднее. Дело в том, что требования к лечебному учреждению сейчас предъявляются такие высокие, что даже специальное больничное здание, построенное несколько десятков лет назад, не может удовлетворить их. Что же сказать про больницу, размещенную в неприспособленном доме?

Единственная приемлемая для нашего здравоохранения форма расширения больничной сети — это новые здания, построенные с соблюдением всех требований современной медицинской науки. Но находятся у нас люди, которые предпочитают другое: они втискивают больницу в жилой дом, гостиницу или даже барак и считают, что свой долг по охране народного здравия выполнили. Бывает, к сожалению, что у этих любителей времянок находятся союзники и среди врачей, рассуждающих в этом случае: «лучше плохо, чем ничего».

Между тем именно органы здравоохранения на местах должны объявить войну времянкам, которые не могут удовлетворить ни больных, ни медицинских работников. Перед нами письмо министра здравоохранения Татарской АССР тов. Тихонова. Уже в который раз он жалуется на руководство объединения «Татнефть» и с возмущением сообщает, что в Татарии нефтяникам вместо новых больниц подсовывают старые здания. «Следует заметить, — пишет тов. Тихонов, — что почти всюду, где будут организованы самостоятельные больнично-поликлинические объединения (Новая Письмянка, Азнакаево, Бугульма), эксплуатация помещений органами санитарного надзора не будет разрешена». Вот какими койками «выполняет» план по вводу в строй новых лечебных учреждений Министерство нефтяной промышленности!

Трижды прав тов. Тихонов, что не мирится с времянками, что требует зданий, созданных по типовым проектам.

В связи с этим хотелось бы поговорить и о строительстве больниц в Москве, где в прошлом году и начале этого года возвели дополнительные корпуса при десяти городских больницах. Поговорить о том, **что** мы должны строить, о том, **какой** должна быть современная больница.

Я, как врач, должен сказать строителям новых корпусов при институте имени Склифосовского и больнице имени Боткина: вы ушли, оставив после себя незаасфальтированные дорожки, кучи мусора, ямы, щебень и среди них — дом с больничными койками, но не больницу. Я не могу назвать больницей здание на пустыре. Больные люди, которым необходим самый чистый воздух, какой только можно отыскать в городе, дышат пылью, смешанной с известкой, и не могут выйти на прогулку из боязни сломать ногу. Да у нас много заводов, где в цехах больше цветов, а воздух чище, чем в таком больничном корпусе!

Нет, я бы не принимал эти корпуса — ни условно, ни безусловно. Хватит некультурного строительства, хватит кое-как класть кирпичи, тешa себя мыслью, что завтра построим на этом месте нечто лучшее. Мы достаточно богаты, чтобы сегодня, сейчас строить на долгие-долгие годы. Москве нужны не маленькие корпуса-пристройки — это полумера, — а несколько больших на 1 000—1 500 человек многоэтажных больниц в разных концах города, среди парков; больниц, обеспечивающих больному максимум удобств, покоя и полное соблюдение павловского лечебно-охранительного режима.

Конечно, то, что предлагается для Москвы, может не подойти областному городу и совсем не годится для районного центра. Но и в столице и в маленьком городке больница должна строиться только по типовому проекту. При проектировании необходимо учитывать и наше мнение — мнение врачей-практиков. Медицинские дисциплины сейчас настолько диференцированы, а требования к каждому виду лечебных учреждений настолько специализированы, что без широкого обсуждения проекта среди опытных лечащих врачей не обойтись. Между тем я не помню случая, чтобы на Ученом медицинском совете Министерства здравоохранения стоял в повестке дня вопрос о проекте новой больницы, профилактория, диспансера.

Дело с типовыми проектами обстоит из рук вон плохо. Нефтяники хотят строить ночной профилакторий на 25 коек в Азербайджане, — готового проекта нет, сибиряки думают о диспансере на 75 человек, — проекта нет. Такой ответ получают многие застройщики.

Трудно сваливать вину за это на единственный в стране институт по проектированию лечебных учреждений — «Гипроздрав». Если учесть все поступающие заявки, то институт должен был бы в этом году сделать по крайней мере в два раза больше, чем он в состоянии.

***

Недавно я прочел в «Известиях»: «В послевоенные годы на Алтае произошли большие перемены... Создаются новые рабочие поселки с многоэтажными домами, благоустраиваются города и села, строятся школы, клубы и дома культуры, закладываются сады, парки. Но есть в крае участок, который недопустимо отстает. Таким участком является здравоохранение... В крае не хватает лечебно-профилактических учреждений». Как ни странно, но мы привыкли к этим ставшим уже стандартными при описании больничного строительства строчкам: «но есть отстающий участок...» Привыкли мы и к спокойному, эпически бесстрастному тону, которым газеты повествуют о больничных бедах. Этим нашим спокойствием и пользуются те, для кого пренебрежение к строительству больниц стало традицией.

Надо в ближайшие годы покрыть страну еще более густой сетью благоустроенных лечебных учреждений. Надо помнить, что в больнице совершается великое дело борьбы за жизнь, за здоровье человека.

200.000 МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Позавчера вместе с июнем окончился и учебный год в высших школах страны. Более двухсот тысяч юношей и девушек завершили высшее образование. Получат дипломы и питомцы многочисленных филиалов институтов, созданных при промышленных предприятиях, а также заводских техникумов.

Разъезжаются по стране на свою первую работу — в школы, на заводы и фабрики, в колхозы и больницы 65 тысяч педагогов, 40 тысяч инженеров, 17 тысяч агрономов, тысячи врачей, геологов, ботаников...

В эти дни городские сады и парки были предоставлены выпускникам и студентам. Большой студенческий праздник состоялся и в Москве — в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

На празднике студентов в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. Слева направо — Галина Орешно, окончившая Библиотечный институт имени В. М. Молотова, Гази Маматов — студент третьего курса Нефтяного института имени акад. И. М. Губкина, Наталия Быкова — выпускница Библиотечного института имени В. М. Молотова, Василий Алтухов — студент третьего курса Нефтяного института имени акад. И. М. Губкина, Лидия Чеснокова — выпускница Государственного экономического института.

Фото В. ПОСПЕЛОВА

Дипломанты Купавны

Шумит листва берез, кленов, яблонь, грушевых и вишневых деревьев; фабричные корпуса Купавны спрятаны в зелени.

А в зале заседаний тишина, хотя он переполнен. Идет защита дипломных проектов пятого выпуска филиала Московского текстильного техникума. Слышен только шелест кальки, прикрепляемой кнопками к доске...

— Булатов Александр!

На кафедру поднимается молодой дипломант и, развернув тщательно выполненный чертеж, начинает защиту:

— Мне дано задание спроектировать аппаратно-прядильный отдел, выпускающий в сутки двенадцать тонн ровницы для ткани артикул 1077...

Около тридцати минут защищает молодой рабочий свой проект. Перекрестный огонь вопросов экзаменующих не смущает его. Булатов возвращается на место с отличной отметкой.

Его сменяют Валя Коренева, Геннадий Москаев, Вениамин Сединкин, Вера Корниенко — купавинские прядильщики, рядовые производственники. Они получили общую подготовку в школе рабочей молодежи при фабрике, потом пять лет учились без отрыва от производства в техникуме. Нелегко совмещать хорошую учебу с хорошей работой у станка.

Дипломанты не посрамили чести фабрики. Из двадцати двух выпускников шестнадцать защитили дипломные проекты отлично, пятеро получили хорошую оценку. Всем выпускникам присуждено звание техника-технолога.

Рассмотрим их дипломные проекты. Что характерно для них? Учитывая опыт своих славных товарищей М. Рожковой, Л. Коноваловой, М. Жилиной и Е. Харьковой, выпускники предлагают наиболее экономные производственные методы. Чувствуется, что каждый грамм сырья, каждая минута труда взвешены, оценены на вес золота. Таков стиль купавинцев, стиль фабрики.

Перед нами — проект Вениамина Сединкина, чья шуточная кличка на производстве «Веник». Рабочие говорят: «Наш Веник все лишнее выметет, все нужное подгребет». Вениамин Сединкин внес смелое предложение — переконструировать новую смесочную установку, которой так гордятся на фабрике: она механически производит смесь сырья — то, что всегда делалось вручную. Эта установка и так на пятьдесят процентов повысила производительность труда купавинцев. А молодой техник предложил вместо двух камер в агрегате сделать три и с большой технической точностью обосновал свой замысел.

Слушая ответы этого молодого человека, невольно думаешь, что учение купавинцев — это не только заучивание отдельных (хотя и весьма нужных) формул. Ученье здесь — система воспитания, а цель ее — всестороннее развитие молодого рабочего, воспитание в нем качеств, которые делают его подлинным строителем коммунизма.

Широко развита в Купавне так называемая «сеть обучения», эта система роста советского рабочего. Ученик начинает с индивидуальных обучений. Стахановская школа поднимает его до уровня передовых рабочих. Школа рабочей молодежи дает среднее образование, а техникум — среднее техническое.

И это не предел. Есть теперь в Купавне и филиал текстильного вуза. Помимо этого, сотни рабочих учатся в различных группах, кружках, на курсах.

Р. КАНДЕЛАКИ

КУПАВНА

Перед разъездом

Председатель государственной комиссии объявляет результаты экзаменов по литературе. Он называет имена нанайца Николая Киле, ханта Николая Трифонова, эвенки Зои Монаховой... Оценки «посредственно» почти нет; есть «хорошо», «отлично».

В числе других выпускников отделения народов Севера Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена «отлично» получил чукча Николай Гиутегин. На вопросы доставшегося ему экзаменационного билета он отвечал обстоятельно, со знанием предмета и любовью к нему.

Молодой коммунист Николай Гиутегин едет на родную Чукотку преподавать русский язык и литературу. Там, в Анадыре, Николая ждет жена — инспектор районного отдела народного образования, окончившая в прошлом году это же отделение.

Выпускники, ставшие учителями русского языка и литературы, географии, естествознания, химии, получили в институте и музыкальное образование, — они смогут обучать детей основам музыки и пения. Гиутегин, например, дирижировал общеинститутским оркестром народных инструментов, а Монахова руководила хором.

Зое в эти дни и радостно и немного грустно. Возвращаться в родной оленеводческий колхоз «Новая жизнь» ей пока не придется, — она оставлена при институте, чтобы продолжать учение в аспирантуре. И все-таки «возвращение» состоялось! В далекой семилетке, где она училась, школьники читают на своем родном языке русские народные сказки, рассказы Чехова, книги о Чапаеве и Павлике Морозове, переведенные с русского на эвенкийский их односельчанкой З. Монаховой. Она же является одним из авторов учебника эвенкийского языка для первого класса.

Эвенки, чукчи, нивхи, ханты, манси, ненцы, нанайцы, якуты, ительмены — представители 22 народностей Крайнего Севера — учатся в этом институте. Вместе с ними занимаются русские девушки и юноши — коренные жители советского преображенного Севера. Многие из них получили сегодня дипломы и готовятся к отъезду в родные места.

А. ЛЕЖИН,
корреспондент «Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД

ПОДГОТОВКА К 60-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО

Через две недели Советская страна отметит 60-летие со дня рождения Владимира Маяковского. Уже теперь повсеместно ведется подготовка к этой дате. В городах Российской Федерации, Украины, Грузии, Армении, Казахстана, Северо-Осетинской АССР, Мордовии читаются лекции, проводятся литературные вечера.

На предприятиях Саранска организуются беседы и доклады, в библиотеке открывается выставка произведений В. Маяковского. В Дзауджикау выйдут избранные произведения поэта на осетинском языке. Из Тбилиси сообщают, что Госиздат Грузии сдал в печать однотомник произведений поэта на грузинском языке. В Киеве готовится к печати трехтомник избранных произведений В. Маяковского на украинском языке.

В Москве 18 июля в Колонном зале Дома Союзов состоится торжественное заседание. После доклада о жизни и творчестве В. Маяковского его произведения прозвучат на языках народов СССР. Поэты братских республик выступят с чтением стихов Маяковского на родных языках, а также с речами и своими стихами.

Делегация Союза советских писателей СССР выедет в Грузию, на родину поэта для участия в юбилейных торжествах.

Международные отклики

ПРИЗНАНИЯ УОЛТЕРА ЛИППМАНА

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Явные неудачи американской политики в Европе вынуждают в последнее время ведущие органы печати США настойчиво бить тревогу. Мы уже писали об этом в № 72 «Литературной газеты» в связи с комментариями Уоррена Филлипса, корреспондента американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» в Риме. Сегодня мы имеем возможность прибегнуть к свидетельству такого известного представителя американской прессы, как обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер Липпман. Его статья о политике США в Европе, помещенная недавно в этой газете, может быть разделена на две неравноценные, на наш взгляд, части: первая — это признание провалов европейской политики США и анализ некоторых причин таких провалов, вторая — это, так сказать, «позитивная» программа, или, вернее, пожелания, высказываемые Липпманом.

Начнем, естественно, с первой части. Оговоримся сразу же, что, хотя Липпман и пишет о некоей «политике западных держав» в отношении Европы, речь идет, конечно, об американской политике, которая навязана западноевропейским партнерам США. Липпман и сам признает это, заявляя, что «наша европейская политика... не связана с ходом событий, и она совершенно оторвана от мнений и чаяний европейских народов».

Американский обозреватель вынужден расписаться в том, что, вопреки всем ухищрениям заокеанских пропагандистов, подавляющее большинство населения Западной Европы не верит утверждениям о мнимой «угрозе» со стороны СССР. А ведь с помощью этого «тезиса» сторонники гонки вооружений и сколачивания военных блоков и пытались оправдать свой политический курс.

Такая политика, подчеркивает Липпман, была «по существу, основана на фактическом предположении, что раздел Германии и Европы будет сохраняться вечно». Такая политика, признает далее Липпман, была бы невозможна без постоянного запугивания «советской угрозой», без порожденного в атмосфере военной истерии страха, который должен быть «достаточно сильным, чтобы одержать верх над всеми другими чувствами». Однако с течением времени, констатирует Липпман, эта основная опора американской политики «становилась все слабее и, по существу, исчезла». Это и послужило «фактической причиной отклонения в Европе таких наших основных проектов, как лиссабонская программа для НАТО (Северо-атлантический союз.— **Лит.**), поспешное перевооружение Германии и европейское оборонительное сообщество. Все эти проекты засохли на корню, потому что сок, который питал их,— страх перед военным завоеванием,— иссяк».

Действительно, в существующей обстановке, когда в самых широких международных кругах, в том числе и в Западной Европе, растут стремления к ослаблению напряженности международных отношений, когда отовсюду раздаются требования о разрешении спорных международных вопросов на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон, для все большего и большего числа людей становится очевидной вся несостоятельность авантюристической политики превращения Западной Европы и прежде всего Западной Германии в военный плацдарм, направленный против Советского Союза и других миролюбивых государств. «Теперь,— пишет Липпман,— перед лицом неизбежного провала существующей западноевропейской дипломатической структуры, насколько мне известно, нет никакой замены, никакой второй линии дипломатической обороны». И далее: «нет никакой политики, никакого планирования, даже никакой основной идеи в отношении того, что следует предпринять»...

Липпман признает, что те политики и политические группы, которые выступали в Западной Европе в качестве проводников американской политики, оказались в нынешней обстановке изолированными от масс. «Отклонение проектов,— пишет он,— с которыми мы так неразумно связали себя, проявив при этом излишнее рвение, принесло серьезные политические неприятности для людей и партий, поддерживающих нашу политику».

И вот итог, к которому приходит Липпман: «Структура нашей нынешней политики в отношении Европы развалилась. Никакие увещевания или угрозы прекратить субсидии не могут починить или восстановить ее».

В чем причина этого?

Липпман отвечает: «Народные настроения в Западной Европе», а также борьба миролюбивого лагеря за мирное урегулирование спорных международных проблем «высвобождают по всей Европе новые силы. Их нельзя возглавить с помощью существующих формул. Ими нельзя управлять с помощью существующих планов и правил».

Что же предлагает Уолтер Липпман взамен того внешнеполитического курса, банкротство которого он вынужден признать?

Если в оценке неудач нынешней американской политики в Европе Липпману нельзя отказать в достаточно трезвом подходе к действительности, то его «конструктивным» предложениям явно не хватает чувства реальности. Справедливо рекомендуя выработать политику, «основанную не на разделе Европы, а на прекращении раздела Европы», призывая западные державы «не упустить» появившуюся возможность соглашения по важнейшим проблемам европейской политики, Липпман в то же время повторяет требования американских реакционеров об изменении... неугодной им формы правления в государствах Восточной Европы! Подобные высказывания столь же не новы, сколь и смешны.

Отказ от навязывания внешнеполитического курса, противоречащего коренным интересам народов Европы, урегулирование назревших международных проблем путем переговоров — такова единственно правильная политика, которая может рассчитывать на поддержку самых широких слоев европейского населения. Недаром сам же Липпман в конце своей статьи приходит к выводу, что в случае окончательного банкротства нынешних американских планов в Европе «европейцы найдут какой-то другой способ» урегулировать тревожащие их проблемы.

ЛИТЕРАТОР

СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ ЗА РУБЕЖОМ

Не так давно одна английская кинопрокатная компания заключила договор на прокат в своих кинотеатрах всех советских фильмов. Этот договор вызван большим интересом за рубежом к произведениям советского киноискусства. В Англии, например, в прошлом году с советскими фильмами ознакомились два миллиона зрителей, а в этом году только с января по март — шесть миллионов.

— Впервые в практике проката зарубежных фильмов в Англии одновременно демонстрировались сорок шесть копий картины «На арене цирка»,— сообщил нашему корреспонденту зам. управляющего «Совэкспортфильма» тов. П. Московский. — Во время весеннего фестиваля в Лондоне театр, в котором показывали советские фильмы, каждый день был переполнен. Второй год подряд идут на экранах Англии «Падение Берлина», «Большой концерт», «Смелые люди».

В феврале «Литературная газета» сообщала, что за год советские фильмы за рубежом просмотрело 500 миллионов зрителей. По дополнительным сведениям, эту цифру надо увеличить еще на 200 миллионов. Так быстро растет успех советского кино среди зарубежных зрителей.

Два года подряд демонстрируется фильм «Падение Берлина» в Бельгии. На его показ было заключено около четырехсот договоров с кинотеатрами. Для такой маленькой страны это рекордная цифра.

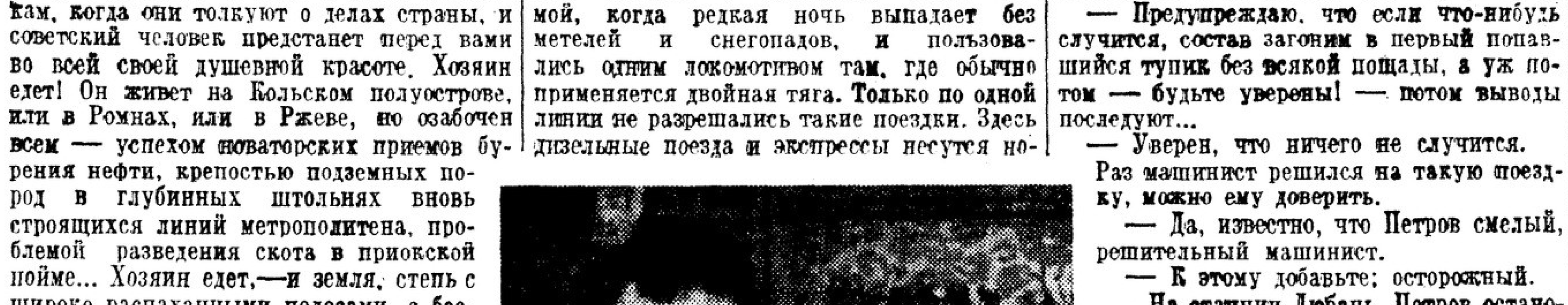
Цензура капиталистических стран ставит много всяческих препон на пути советских фильмов к зрителю. До сих пор не разрешен к демонстрации в Голландии документальный советский фильм «В пионерских дворцах», который якобы «не отражает действительного положения». Даже в фильме «Большой концерт» цензура пыталась увидеть «тонкую коммунистическую пропаганду». Впоследствии, когда запрет был снят, картина пользовалась у зрителей исключительным успехом. Так было и с фильмом «Падение Берлина».

В Голландии с успехом демонстрируются обе серии «Сталинградской битвы» и документальный фильм «На стройках Москвы». Учитывая требования населения, голландские телевизионные компании решили передавать их по телевидению.

По всеобщему признанию зарубежной прессы, техника советских цветных картин и мультипликации — лучшая в мире. Фильмы «Аленький цветочек», «Гуси-лебеди», «Дедушка и внучек» идут, например, на экранах Норвегии специальными программами. «Сказка о рыбаке и рыбке» даже дублирована на норвежский язык, а это пока что единственный случай во всей истории кинопроката Норвегии. Скоро в Норвегии впервые будет показана советская документальная картина «Освобожденный Китай». До сих пор норвежцы могли судить о жизни китайского народа только по американскому кино, которое искажало правду о Китае.

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

Машинист Петров „младший"

Прислушайтесь в пути к своим спутникам, когда они толкуют о делах страны, и советский человек предстанет перед вами во всей своей душевной красоте. Хозяин едет! Он живет на Кольском полуострове, или в Ромнах, или в Ржеве, но озабочен всем — успехом новаторских приемов бурения нефти, крепостью подземных пород в глубинных штольнях вновь строящихся линий метрополитена, проблемой разведения скота в приокской пойме... Хозяин едет,—и земля, степь с широко распаханными полосами, с бесконечными, покуда глазу видно, насаждениями из молодых дубков радует новью его сердце.

Но вот и конец поездки. В утренней дымке на горизонте показался Ленинград. Поезд замедлил ход, и внизу, почти вплотную у железной дороги, проплыли перед глазами здания той особенной формы, по которой сразу узнаешь железнодорожное депо. Замелькали паровозы, дымящие на многочисленных путях. Много раз, подъезжая к Ленинграду и торопясь с чемоданом к выходу, вы бросали рассеянный взгляд на это депо. Задержите подольше на нем свое внимание. Волнение царило здесь в одну из ночей, может быть, как раз в ту ночь, когда вы были на пути в Ленинград.

На линии одновременно с вашим поездом мчался в ночи товарный состав, и дежурные по станции кричали по селектору хрипловатыми от волнения голосами:

— Запишите! Дано отправление составу. Локомотив серии СО, номер 17-2785. Количество осей — 326...

— 326? Я вас правильно понял?

— Поняли правильно. 326 осей, или 163 вагона, или длина состава — больше километра. Впрочем, этого можете не записывать. Запишите дальше — паровоз ведет машинист Петров.

— Ведет Петров? Хотелось бы узнать— старший или младший?

— Младший. Михаил Александрович...

В депо Ленинград — сортировочный-Московский всю ночь к дежурному наведывались машинисты, помощники и кочегары, вернувшиеся из поездок или собравшиеся в путь.

— Ну, где он сейчас?

— Где и должен быть по расписанию... Прошел Дубцы.

А через некоторое время дежурный торжественно провозглашал:

— Довожу до общего сведения! СО 17-2785 благополучно миновал станцию Гряды.

— Вот когда я услышу, что он Любань прошел, тогда буду спокоен...

— Пройдет и Любань.

— Только прежде придется потанцевать ему на этой станции.

Для нас с вами такие имена, как Дубцы, Гряды, Любань, — это только названия станций. А железнодорожники видели перегоны со спусками и подъемами, на которые медленно взбирается километровый состав, видели все трудное, что приходилось преодолевать машинисту и его бригаде и что ждало их впереди. Станция Любань особенно беспокоила их. Там — котлован, яма. Более ста лет работает первая в стране железная дорога Ленинград — Москва, и более ста лет все паровозы, следующие по дороге, останавливаются в Любани для набора воды, а потом выводят из «Любаньской ямы» пассажирские и товарные составы.

Но еще никому и никогда, даже машинистам депо Ленинград — сортировочный-Московский, не приходилось вытаскивать из этой «ямы» 163 вагона разом.

Зачинатели славного движения скоростников-«тяжеловесников», они водили составы с полуторным и двойным весом по разным участкам. Они водили тяжеловесные составы с печорским углем зимой, когда редкая ночь выпадает без метелей и снегопадов, и пользовались одним локомотивом там, где обычно применяется двойная тяга. Только по одной линии не разрешались такие поездки. Здесь дизельные поезда и экспрессы несутся ночами из Ленинграда в Москву и обратно с большой скоростью, а малейшая заминка в движении идущего впереди большегрузного состава грозит срывом пассажирского графика. Михаил Александрович Петров много раз, письменно и устно, просил разрешения провести опытный тяжеловесный состав с удвоенным весом из Малой Вишеры в Ленинград и неизменно получал отказ.

В ту ночь Михаил Александрович оказался на станции Малая Вишера, и здесь одно зрелище больно задело его сердце. Все запасные пути сплошь были забиты товарными вагонами, как он узнал, по той причине, что на месте не оказалось тяговых средств. Чтобы несколько разгрузить станцию, Петрову в порядке исключения разрешили сформировать состав с полуторным весом. Он выдвинул встречное предложение и еще раз заявил, что готов повести состав с двойным весом.

— Предложение хотя и соблазнительное, — ответил дежурный, — но от меня вы такого разрешения не получите.

— Боитесь?

— Прав таких не имею.

— А вы запросите ваше начальство. Обрисуйте ему обстановку на станции.

Петров еще раз ощупал взглядом забитые пути, кое-где тускло блестевшие при свете фонарей. Ему обидно было видеть это. Он знал, что СО 17-2785, с его мощным котлом, при некотором напряжении мог вывезти со станции добрую половину грузов. Всей мощи паровозов серии СО не знали даже инженеры — конструкторы этой машины. Ее открыли машинисты депо Ленинград — сортировочный-Московский, а потом по-хозяйски использовали для вождения составов с двойным и полуторным грузом. Отсюда и родилось движение скоростников-тяжеловесников.

Дежурный связался с управлением дороги. На станцию приехал заместитель начальника локомотивного отдела. Глубокой ночью вызвали к аппарату начальника депо А. Коляго.

— Тут ваш машинист правила движения желает нарушить...

— Вы хотите сказать, что он желает нарушить кое-какие устаревшие нормы,— усмехнулся Коляго.

— Пусть так. Как смотрите на такой риск?

— Риск? Я не считаю предложение Петрова рискованным. Двойной состав пройдет из Малой Вишеры в Ленинград так же спокойно, как и по любому другому участку.

— Предупреждаю, что если что-нибудь случится, состав загоним в первый попавшийся тупик без всякой пощады, а уж потом — будьте уверены! — потом выводы последуют...

— Уверен, что ничего не случится.

Раз машинист решился на такую поездку, можно ему доверить.

— Да, известно, что Петров смелый, решительный машинист.

— К этому добавьте: осторожный.

...На станции Любань Петров остановил состав в двухстах метрах от выходных стрелок. Это был расчетливый шаг машиниста, желавшего получить хотя бы небольшой разгон при отходе со станции. Каждый шаг его был продуман. Смелой была решимость, все остальное строилось на трезвом расчете. Предусмотрительно он приказал бригаде подготовить уголь на тендере так, чтобы лучшее калорийное топливо пошло на самом трудном участке пути. Предусмотрительно он в Любани отобрал у помощника масленку и сам пошел с нею к машине. Он хотел, чтобы его люди, которым в Любани придется работать с напряжением, перед этим получили отдых.

Петров принял рапорт главного кондуктора, увидел из окошка вышедшего на пути дежурного и скомандовал помощнику:

— Открыть краны!

— Есть, приказано открыть краны, — глуховато ответил помощник.

На мгновенье высунувшись из окошка, Петров окинул взглядом состав, потом перевел реверс на задний ход, открыл регулятор; он увидел, что вслед за паровозом шагнул назад дежурный, увидел взмах его флажка и ответил длинным протяжным свистком паровоза на сигнал к отправлению. Он взглянул искоса на манометр и красную стрелку, замершую на другой, неподвижной стрелке, благодарно кивнул помощнику: «пару хватит, спасибо».

Остальное видели дежурный и осмотрщики вагонов на путях, мимо которых плавно двигался состав, впервые в истории дороги сформированный из 326 осей, или 163 вагонов.

Шли по «зеленой улице». Сигнальные фонари светили машинисту на всех перегонах: «Путь свободен, вперед». Шли по графику, повсюду отрываясь от экспресса, что стремительно несся сзади, не менее, чем на два законных перегона. И пришли по расписанию.

Вот и все. Поволновался немного машинист. Поволновались люди, следившие за его поездкой. А под конец оказалось, что в самой поездке нет ничего исключительного. Но ведь это и стремился доказать машинист. В этом сила и значение его поездки. Недаром то, что раньше почиталось машинистами как трудовой подвиг, сейчас стало нормой труда. В 1948 году машинисты депо Ленинград — сортировочный-Московский в течение года провели 200 тяжеловесных составов. А в 1953 году они каждый месяц проводят сотни тяжеловесных составов. Недавно машинисты депо, встретившись с бологовскими машинистами, дали обязательство водить каждодневно тяжеловесные составы на участке Ленинград— Малая Вишера и Малая Вишера — Бологое. Потом машинисты депо Ленинград — сортировочный-Московский, получив для обслуживания два новых участка (Ленинград—Зеленогорск и Ленинград — Сосновка), первым делом потребовали пересмотра весовых норм на этих участках, считая прежние заниженными и устаревшими.

В этих делах видны творческие, ищущие люди нашей страны, видно сознание все возрастающей ответственности перед обществом, слышится голос хозяев жизни.

А. САДОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

ЛЮБОПЫТНАЯ НАХОДКА

До сих пор считалось, что статья Гоголя «О движении журнальной литературы», напечатанная в 1836 году в первом томе пушкинского «Современника», появилась без подписи автора.

Однако имеется экземпляр этого тома «Современника» (он хранится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), в котором имя Гоголя, как автора статьи, названо в оглавлении.

Следовательно, существуют два варианта первого тома «Современника», сличение которых приводит к выводу, что экземпляр Государственной Публичной библиотеки является более ранним вариантом: в процессе печатания тома Пушкин счел необходимым статью Гоголя «О движении журнальной литературы», в основном направленную против «Библиотеки для чтения», напечатать анонимно.

Думается, это связано с тем, что надо было оградить Гоголя от готовившихся нападений на него редактора «Библиотеки для чтения» Сенковского, в особенности накануне премьеры «Ревизора» (19 апреля 1836 г.).

В экземпляре Государственной Публичной библиотеки есть и другие отличия: отсутствует заключительная заметка к разделу «Новые книги», иначе сверстан и набран материал

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стихотворенія

	Стран.
Пиръ ПЕТРА Перваго.	1.
Ночной смотръ. Жуковскаго	14.
Скупой Рыцарь	110.
Изъ А. Шенье	191.
Роза и Кипарисъ. Кн. Вяземскаго	226.
Проза	
Императрица МАРІЯ.	4.
Путешествіе въ Арзрумъ. А. Пушкина	17.
Разборъ сочиненій Георгія Конискаго.	85
О Римѣ. Барона Розена	131.
Долина Ажитугай. Султана Казы-Гирея	155.
Коляска. Н. Гоголя.	170
О движеніи Журнальной Литтературы. Н. Гоголя	192.
Утро дѣловаго человѣка. Н. Гоголя.	227.
Разборъ Парижскаго математическаго Ежегодника. Кн. Козловскаго.	242.
Парижъ. (Хроника Русскаго)	258.
Новыя книги	296.

двух последних листов тома (стр. 296—319). Поскольку дата цензурного разрешения в обоих вариантах первого тома «Современника» одна и та же (31 марта 1836 г.), то второй вариант, очевидно, в цензуру дополнительно не представлялся; все изменения в томе были сделаны Пушкиным в обход цензуры.

В. БЕРЕЗИНА,
кандидат филологических наук

Чествование В. Саянова

В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве состоялся вечер, посвященный пятидесятилетию со дня рождения писателя В. Саянова.

Вечер открыл Н. Грибачев. Со вступительным словом, посвященным творчеству юбиляра, выступил секретарь правления ССП А. Софронов.

Поэты Е. Долматовский, П. Железнов, Л. Ошанин, С. Смирнов, Е. Шевелева и А. Яшин поздравили В. Саянова и пожелали ему новых творческих успехов. Артисты московских театров Э. Верник, Ю. Кензерский, Т. Краснушкина и Ю. Ларионов выступили с чтением произведений писателя.

Вечер закончился выступлением В. Саянова, который поблагодарил товарищей за оказанное ему внимание и познакомил собравшихся со своими творческими планами на будущее.

Новые стихи

Микола УПЕНИК

Тебе, Россия

Нет слов, что были бы под стать
Твоей красе, твоим просторам,
Великая Россия-мать,
Земли надежда и опора!
Во имя правды и добра —
Твои деяния большие.
С широких берегов Днепра
Земной поклон тебе, Россия.

И в ясный день, и в те года,
Когда войны гудела вьюга,
Народ мой чувствовал всегда
Твое плечо и руку друга.
Сиянье ленинских идей
Всю землю сделало красивей.
За счастье для простых людей
Земной поклон тебе, Россия.

Мне полюбились с давних пор
Твоих великих рек дороги,
И даль степей, и нив простор,
Как русская душа, широкий.
Отвага русская в бою,
Мечты народа молодые.
За юность вечную твою
Земной поклон тебе, Россия.

Люблю тебя, как верный сын,
Люблю язык твой сильный, стойкий,
Раздольный мир твоих былин,
Твоей поэзии истоки.
Ты миру Пушкина дала,
Его страницы золотые.
Твоим сокровищам — хвала,
Земной поклон тебе, Россия.

В семье могучей, боевой,
Навеки дружбою святою
Сдружился Киев наш с Москвой,
Как брат с любимою сестрою.
Сливаются Донец и Дон
В один поток, как небо, синий.
Сердечный, искренний поклон,
Земной поклон тебе, Россия.

По-сталински идем вперед
И строим с думою одною
Страну, которая растет
Коммунистической страною.
Ее черты я узнаю,
Ее приметы дорогие.

...За поступь твердую твою
Земной поклон тебе, Россия.

Перевод с украинского

Иван ТАРБА

Машинистка

Все ее хозяйство небогато.
Поезд в степь ее привез к утру.
И палатка хлестко и крылато
Над столом забилась на ветру.

И она, усевшись деловито,
Папки поспешила развернуть.
Для удобства или так — для вида
Столик пододвинула чуть-чуть.

Тишина копилась тут веками,
Но машинка, тишине грозя,
Под ее бегущими руками
Затрещала, заиграла вся.

Папку приготовила сначала, —
Крупно отпечатала:
«ЦИМЛА».
Первую страницу написала
И подшила первые дела.

И не просто дерзкая машинка
В нашей канцелярии стучит —
От палатки первая тропинка
К берегу цимлянскому бежит.

А потом, глубокий, словно кратер,
Котлован оставив позади,
Прошагает грузный экскаватор
С маркою уральской на груди.

И его огромные детали,
Несомненно, заслонят от нас,
Как в палатке буковки летали,
Сводками о стройке становясь.

Как ночей не спала машинистка, —
Мы в газетах не прочли о том, —
Как она, к столу склонившись низко,
Изредка дремала над листом.

Словно птицы зернышки клевали —
Пальцы то туда, а то сюда,
Будто подбирала на рояле
Первую мелодию труда.

Ей на стройке все здесь интересно.
И она горда, что раньше всех
Ей бывает каждый день известно,
Кто отстал, а у кого успех.

Имена строителей родные
Ей знакомы. И она вчера
Отпечатать списки наградные
В машбюро осталась до утра.

Сложит все бумаги на рассвете,
Тщательно рассортирует их
И своей фамилии не встретит
В этих длинных списках наградных.

«Позабыли или не успели,
Там зато другие имена...»
В песнях машинистку не воспели...
Впрочем, песня?..
Вот и есть она!

Перевел с абхазского
Анисим КРОНГАУЗ

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Расставание

В последний день, когда мы были
вместе,
В последний вечер тот, в последний
час, —
Горела лампа, стол стоял на месте
И зеркало разглядывало нас.
Ты дал мне пачку чистую открыток
И снимок давний вдруг ты показал.
А я стояла у дверей открытых.
Я очень торопилась на вокзал.
Ты мог напомнить все,
что нас связало, —
Мечты, заботы, праздники, дела.
Но ты спросил:
«С Казанского вокзала?»
Потом спросил:
«А паспорт ты взяла?»

Когда б вернуться мне из дали дальней,
Вскочить в обратный поезд на пути,
Машину взять на площади вокзальной
И в прошлое, как в комнату, войти!
В то прошлое, когда мы вместе были,
В последний вечер тот,
в последний час.
Была весна. В Кремле куранты били.
Привычно счастье окружало нас.
Когда б себя я во-время спросила,
Все отложив текущие дела:
Ты счастье в чемоданчик уложила?
В дорогу сердце из дому взяла?

Аркадий РЫВЛИН

Трудный поход

В чистом поле, на привале,
Отдыхая всем звеном,
Мы сидели и вздыхали,
И грустили об одном.
— Жаль, — заметил Толя Глазов,
Русую отбросив прядь,—
Что под звездами ни разу
Не пришлось нам ночевать.
Что еще ни разу летом
Не промокли мы насквозь,
Что нигде перед рассветом
Зябнуть нам не довелось.

— Да, — вздохнул Сережа Спицын,—
Что же это за поход,
Если даже заблудиться
Нам вожатый не дает.
Ну какой же интерес
Представляет этот лес, —
Где уже следят заране,
Чтоб на дерево не влез.
Где не встретить непогоду!..
Где всегда палатка ждет!..
О-ох!.. Труднее нет похода,
Чем нетрудный наш поход!

КИЕВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

О ДЕТЯХ КИТАЯ

Я не люблю своего детства.
Ничего хорошего не было в нем...

Так начинает свое стихотворение «Мое детство» пятнадцатилетний китайский подросток Янь Нун. Только при народном правительстве он смог поступить в школу, а в свои детские годы испытал все лишения и страдания, выпадавшие на долю труженика в старом Китае. Юный поэт горячо благодарит народную власть за то, что теперь у его маленького брата счастливое детство.

О том, как живут и учатся миллионы младших братьев Янь Нуна, рассказывает китайский писатель **Чжан Тянь-и** в книжке **«Три рассказа для детей»**, недавно вышедшей в переводе А. Гатова. Читинское издательство, выпустившее эту книжку, сделало хорошее дело, подало полезный пример другим областным издательствам.

Свыше сорока миллионов экземпляров детских книг издано в народном Китае за 1950—1953 годы! Среди них — многие произведения советских писателей, переведенные на китайский язык. Большими тиражами печатаются детские газеты и журналы. В Шанхае создано в этом году специальное детское издательство «Шаоняньэртун чубаньше».

Книжка Чжан Тянь-и знакомит нас с теми чертами, которые воспитывает в молодом поколении китайская детская литература. Воспитанию чувства долга посвящен рассказ «Сяо Хун едет в кино...». Школьнику Ло Вэнь-ину, герою другого рассказа, пришлось сразиться с таким серьезным врагом, как неорганизованность. Дав обещание бойцам Народно-освободительной армии, посетившим школу, мальчик сумел стать хозяином своего времени.

Герой последнего рассказа — Ян Синь-минь, пионер из второго отряда, не понимал сначала, что такое соревнование. Он не понимал, что самое главное в соревновании — это товарищеская помощь.

Пусть первому отряду поручено выступать с концертом в Доме учителя, зато второй отряд сделает такую замечательную стенную газету, какой не бывало еще ни в одной школе! Только бы времени хватило! Еще увидим, чей отряд отличится!

Но тут выяснилось, что маленьким артистам из первого отряда нужна корейская блуза для выступления в Доме учителя. У сестры Ян Синь-миня как раз есть такая блуза. Но не отрываться же ему от газеты ради первого отряда!

— Тебе-то какая забота? — говорит Ян Синь-минь товарищу. — Кто выступает — они или мы?

— При чем здесь «они или мы»? Разве не все равно, кто будет выступать перед семьями фронтовиков? — зашумели вокруг ребята.

И Ян Синь-минь понял свою ошибку. Да, первый отряд, второй отряд, «они и мы» — это ведь одно и то же, одна огромная семья пионеров.

Чувство долга, сила коллектива, сознание своей ответственности перед ним маленьких граждан, — вот о чем рассказывает нам автор книжки, рассказывает ярко и увлекательно и в то же время удивительно просто и непосредственно, как человек, ведущий непринужденную беседу.

— Я пионерка! — отвечает Сяо Хун, когда ее благодарят за хороший поступок.

— Мы пионеры! — с гордостью заявляют наши новые друзья, герои книги Чжан Тянь-и.

Да, они пионеры! И хотя все это разные ребята, живые и неприкрашенные, со своими индивидуальными чертами и особенностями, им всем присуще одно прекрасное чувство — безграничная любовь к свободной родине и желание быть достойными ее. Это основное душевное свойство объединяет их всех в одну большую семью и роднит маленьких героев книги Чжан Тянь-и со всеми пионерами земного шара — «сентябрятами» Софии, с «отважными» Парижа, с юными ленинцами Москвы.

О. ВЫСОТСКАЯ

ЖИЗНЬ КНИГИ

Книги, как и люди, рождаются, живут и умирают. Долголетие и бессмертие — удел далеко не всех книг. И если какая-либо книга читается на протяжении десятилетий, это уже признак серьезной удачи писателя, это и лучшая награда для него.

Недавно мне попала в руки книга **Леонида Жарикова «Повесть о суровом друге»** (Детгиз. 1952. 232 стр.), которую я когда-то уже читал. Я раскрыл ее, начал прочитывать страницу за страницей, и знакомые образы и картины встали в *моей памяти.*

...Рабочая слободка на берегу Кальмиуса в Донбассе. Убогие жилища, скудная жизнь... В среде металлургов и шахтеров, нещадно эксплуатируемых иноземными капиталистами, зреет чувство протеста. И вот в стране свершается революция. В слободке создается первый ревком. К богатой углем донецкой земле протягивают алчные руки то белогвардейцы, то банды гайдамаков, то немецкие оккупанты. Революционные рабочие организуют сопротивление. Бок о бок с ними в боях и рискованных подпольных предприятиях участвуют их дети — подростки.

Я видел сурового и нежного верховода шахтерских ребят Васю Руднева, его не по летам смышленого дружка Леньку, одноногого храброго Учу, и уж совсем как живой стоял передо мною задира Илюха: «Руки, лицо и шея у него были забрызганы бурыми веснушками, как будто проходил мимо шутник-маляр и тряхнул ему в лицо кистью с краской, а Илюха с тех пор так и не может отмыть эти пятна».

Я опять видел ватагу милых мальчуганов из шахтерского поселка, волновался вместе с ними, смеялся над их лукавыми проделками, а когда добрался до последних страниц, спазмы сдавили мне горло: Вася Руднев, посланный с секретным донесением подпольщиков в красноармейский полк, упал в степи, сраженный белогвардейской пулей. Он упал, оставив Леньке свое гордое завещание: «Ты ничего не бойся. В тебя стреляют — а ты иди! Тебе больно — а ты не плачь!»

И словно не в силах превозмочь боль при виде нарисованной им самим драматической картины, автор отводит взор читателя в сторону и заставляет взглянуть еще раз на этот степной рабочий край, где жили и боролись герои его произведения.

«Степь, степь... Такая загадочная и простая, далекая и родная, полынная шахтерская степь.

Много лет я не видел ее, но запах ладана и чебреца, красные брызги мака и трель невидимых жаворонков и теперь ярко встают передо мной, как только я закрою глаза.

...Детство. Розовый дым заводских кочегарок, кривые землянки, мелкая речка Кальмиус и степь, степь, без предела...»

Так лирически заканчивается повесть Леонида Жарикова.

Впервые это произведение появилось в журнале «Знамя» в 1938 году и тогда же было высоко оценено нашей общественностью.

Минуло пятнадцать лет, и мы снова встретились с героями этой повести. Но, читая ее теперь, мы замечаем, что в ней появилось много такого, чего не было прежде. Л. Жариков и после того, как его повесть была удостоена горячих похвал, не перестал заботиться о ней: от издания к изданию он кропотливо оттачивал ее язык, дописывал новые эпизоды и даже целые главы. К шести первоначальным главам-новеллам он при последующих изданиях книги добавил четыре новые главы: «Бог», «Конец империи», «Флаги над городом» и «Деникинцы». Благодаря этому события, о которых рассказано в книге, выступили в более ярком и более полном освещении, а образы героев приобрели еще большую выразительность и завершенность.

Долголетие повести Л. Жарикова можно объяснить не тем только, что она посвящена важной теме, написана ясным, лаконичным языком, но также и тем, что об участии детей и подростков в Октябрьской социалистической революции в Донбассе писатель рассказал серьезно, в полную меру своего дарования, без сюсюканья и фальши.

Успех повести Л. Жарикова показывает также, что перерабатывать, улучшать и дополнять следует не только произведения заведомо рыхлые и сырые, но и те, которые уже нашли дорогу к сердцу читателя. Литература от этого только выигрывает.

Перечитывая «Повесть о суровом друге» и раздумывая над судьбами ее героев, я с чувством сожаления думал и о другом: почему Л. Жариков, одаренный литератор, долгое время известен читателям как автор лишь одного произведения? Почему он позволяет себе писать так мало?!

Ал. ИОНОВ

ХРАНИТЕЛИ РУССКОЙ СЛАВЫ

Среди великих имен прошлого, составляющих славу и гордость русской нации, особенно любимо народом имя Александра Васильевича Суворова.

Памятником славы Суворова и вместе с тем славы русского оружия является Суворовский музей в Ленинграде. В небольшой книжке **В. Грусланова** и **М. Лободина «Шпага Суворова»** (Детгиз. 1953. 150 стр.) повествуется о том, как разыскивались для музея суворовские вещи — реликвии великого русского полководца. Книга написана от лица сотрудника музея (В. Грусланова), который вел одновременно исследовательскую и розыскную работу, не щадя сил и времени, отдаваясь делу с увлечением, преданностью и страстью. Он упорно «охотится» за шпагой, принадлежавшей Суворову, разыскивает ее у потомков полководца, среди разошедшихся по рукам экспонатов музея Семеновского гвардейского полка, на дне пруда, наконец, на центральном складе бутафории академических театров Ленинграда; с напряженной сосредоточенностью он стремится проникнуть в секрет дорожной шкатулки XVIII века; настойчиво ищет у знатоков и коллекционеров полулегендарный медальон с изображением Суворова. Но во всем этом нет и намека на одержимость или маниакальность, которой столь охотно наделяет музейных работников и коллекционеров буржуазная литература. В этой книжке увлекательные приключения вещей и людей, отыскивающих эти вещи, раскрывают музейную работу как живое дело, которое делается для народа и в котором народ принимает самое деятельное участие. Мертвые вещи оживают потому, что благодаря им возникают разнообразные живые связи между людьми. И оказывается, что для советского человека музейная вещь — не просто занятный обломок прошлого, а дорогое наследие предков, на котором учится и воспитывается молодежь. Вот почему и колхозник села Кончанское, и потомок суворовского солдата, и собиратель военных редкостей, отставной полковник Советской Армии, так легко и просто отдают музею драгоценнейшие реликвии полководца. С горячей заинтересованностью помогают рассказчику в его «охоте» за суворовскими вещами советские люди — воины Советской Армии, старый врач, деревенская школьница Клавдия, и в этом раскрывается одно из проявлений любви народа к своему героическому прошлому. Но это не только увлекательный рассказ о судьбах и приключениях вещей—на страницах книжки возникает знакомый образ великого русского полководца.

Несомненная заслуга авторов книжки и в том, что героические традиции прошлого они сумели убедительно и реально связать с героикой нашей эпохи. Такой именно смысл имеют рассказы «Серебряные трубы» и, в особенности, «Секретный груз». Судьба вагона с экспонатами Суворовского музея, отправленного с целью их сохранения из Петрограда на Урал в дни гражданской войны и попавшего на Дальний Восток, приводит читателя к выводу: подлинные наследники русской славы, героических традиций народа — люди революции.

Книжка В. Грусланова и М. Лободина поучительна в самом лучшем смысле слова.

Н. РЫКОВА

ДАГЕСТАНСКИЕ СТИХИ

Книга **С. Липкина «Из дагестанской поэзии»** (Махачкала. 1952. 173 стр.) — итог многолетнего переводческого труда, своеобразный отчет о давней и тесной связи переводчика с литературой братской республики.

С. Липкин не ставил перед собой задачи дать полную картину развития многоязычной дагестанской поэзии. Тем не менее, читатель найдет здесь и образцы дореволюционной поэзии, и песни первых лет революции, и совсем «молодые» стихи, написанные год-два назад...

В сборнике впервые напечатаны песни кумыкского певца XIX века Ирчи Казака, направленные против феодалов, отразившие быт и мораль трудового крестьянина. Вошли в книгу лучшая поэма аварского лирика Махмуда «Мариам», многие стихи Сулеймана Стальского, неизвестные русскому читателю стихи народных поэтов Дагестана: лака Абуталиба Гафурова и кумыка Казияу Али. Гамзат Цадаса представлен такими произведениями, как поэмы «Моя жизнь» и «Сказание о чабане». Видное место в сборнике занимает молодежь — Расул Гамзатов и татский поэт Даниил Атнилов.

В книге можно найти разнообразные жанры: от старинной формы дидактического монолога или диалога, которая, пополняясь новым содержанием, продолжает бытовать в горах и в наши дни, до таких новых для Дагестана жанров, как эпическая и лирическая поэмы.

Хороши переведенные С. Липкиным народные песни: аварское сказание о разгроме горцами полчищ захватчика Надир-шаха, лакская баллада о народном герое Давди, лирическая даргинская повесть о девушке из Азайни и юноше из Кумуха, любовь которых не смогла победить даже смерть. Переводчик хорошо передает характер ритмов, образный строй, простоту народного стиха.

Силлабический аварский стих, каким написана поэма-песня Махмуда «Мариам», не имел в прошлом концевой рифмы. Принята была рифма начальная. Распространен в аварском стихе также звуковой повтор, переходящий из последнего слова строки в начальное слово другой, а порой пронизывающий всю строфу. Поэма Махмуда отличается богатством этих звуковых узоров. Поэт С. Липкин нашел оригинальное творческое решение, воспроизводя ритмический рисунок строки (одиннадцатисложник с цезурой после шестого слога), передавая ее звукопись через цепь внутренних рифм:

Надоело седло, не радует конь,
От погонь за тобой давно я устал.
Опостылел кинжал, я бросил ружье...
Где ты, солнце мое? Ослеп я совсем!

С. Липкин сумел передать творческую индивидуальность поэтов, сохранить национальный колорит их стихов.

Не все, однако, в книге равноценно. Показывая лучшее, чем богата дагестанская поэзия, переводчик включил в сборник и слабые вещи. Давая большой цикл стихов Д. Атнилова, очень конкретных, афористичных, переводчик не почувствовал, что они в то же время однообразны, рисуют действительность идиллически. Созерцательность, сухое перечисление внешних признаков нового встречаются в стихах А. Гафурова «Аул Кули». Стихотворение Казияу Али «Рай для нас» риторично, фальшиво по своей образной структуре («рай для нас — могучей Волге дать Москву», «Красной Армии победы — рай для нас» и т. д.). Мелькают в переводах и вычурности и стилистические неловкости: то конь назван «гривастым кораблем», то «лохмотья прежних лет превращены в парчу»...

К. Султанов в послесловии подчеркивает значение сборника «...как для массового читателя, так и для специалистов и студенческой молодежи, изучающих дагестанскую литературу»... Вдумчивая творческая работа переводчика, дающая живое представление о национальном характере многоязычной поэзии Дагестана, об особенностях ее формы, о ее тематическом и жанровом богатстве, безусловно, заинтересует читателей.

Н. КАПИЕВА

ГЕРОЙ И ИДЕЯ

Н. ВЕЛЕХОВА

Что привлекло Костромской драматический театр к трагедии И. Карпенко-Карого «Савва Чалый»? Безусловно,— народность этой пьесы, и притом народность, выражающаяся не в поверхностном жанризме, не в натуралистическом изображении староукраинского быта, а в правдивом отражении героической, мужественной борьбы народа за свободу. В трагедии «Савва Чалый» судьба народа — главная тема пьесы, народ — реальный, активно действующий герой ее.

Почему же, однако, трагедия названа именем изменника народа, предателя народных интересов, каким закончил свою жизнь казак Чалый, бывший вожак гайдамацкого движения на Украине в период 30-х годов XVIII века?

— Нет ли здесь противоречия?— подумают любители привычно стертых истин.— Может ли драматург, а затем и театр при таком построении пьесы передать идею прогрессивную?

Казалось бы, нелепо сомневаться в этом. Но в Костромском театре имени Островского, который осуществил первую в истории русского театра постановку этой пьесы классика украинской драматургии, вряд ли скоро забудут тот отпор, который оказала «Савве Чалому» приемочная комиссия костромского отдела искусств. Отрицательный герой, наделенный интересной драматургической судьбой и сложной психологией, казался некоторым выступавшим на обсуждении спектакля невероятной крамолой, а драматург, который не снабдил этого героя ярлыком с определением его сущности, — едва ли не реакционным.

Но театр не сбили эти высказывания, которые являются не чем иным, как одним из отражений «теории» бесконфликтности, толкающей художника к изображению мертвых схем и готовых результатов.

В работе над пьесой «Савва Чалый» режиссер В. Иванов стремился к творческому раскрытию главной мысли, идя к ней через судьбу главного героя, через трагедийный конфликт пьесы — конфликт между Чалым и народом. Этот путь был особенно труден, потому что слишком невелик у наших театров опыт работы над трагедией.

Работа над постановкой психологической трагедии оказалась по силам Костромскому театру, показавшему во многих своих предыдущих работах и хорошую режиссерскую культуру, и правдивость артистического исполнения, и единство ансамбля. В образе Саввы Чалого режиссер В. Иванов и артист В. Макасеев раскрыли всю сложность и противоречивость характера героя. Как часто приходится видеть, что артист, играющий отрицательного героя, играет, главным образом, свое отношение к этому герою, боясь, как огня, как бы не углубиться в его внутренний мир, как бы не сделать его человеком из плоти и крови. Такие опасения диктуются якобы интересами идейного воздействия на зрителя: а вдруг зритель начнет сочувствовать отрицательному герою, оживленному мастерством артиста? Но понять психологию отрицательного героя и объяснить ее зрителю — совсем не равноценно призыву простить героя. Важно верно раскрыть эту психологию и этим путем — самым убедительным — прийти к разоблачению отрицательного персонажа. Это и делает В. Макасеев в спектакле Костромского театра.

Театр убедительно раскрывает ошибку Чалого, которая приводит его к преступлению. В чем же эта ошибка?

...Горят украинские села, тяжко страдает истязуемый народ, вздергивают на виселицы непокоренных защитников его — гайдамаков. Стон стоит по всей украинской земле. Опустел правый берег Днепра, где хозяйничают польские паны: много народу полегло, много украинцев ушло в леса, чтобы, сплотившись в отряды, отомстить своим мучителям. Нельзя ждать, пока перебьют, потопят в крови народ. Надо действовать! Но не понимает этого Савва Чалый. Он верит в возможность мирного соглашения с панами, не хочет «проливать кровь безоружных и разорять край». Но это — только фраза. А за нею стоит неверие в народную силу, боязнь развязывающейся народной войны. Чем сильнее разгорается народный гнев, тем дальше отходит от народа Савва. Он намеревается остановить гражданскую войну на Украине — войну, по его мнению, губительную. Это — измена. И результат ее — смерть Саввы, осужденного народом.

Корни конфликта героя трагедии с волей народа определяются классовыми, социальными убеждениями героя; они уходят глубоко в жизнь, и их нельзя разрешить просто и легко.

По мысли Белинского, если герой откажется от своего убеждения, своего решения,— цельность его души разрушена; если он последует убеждению, которое противостоит разумному требованию действительности,— он совершит преступление.

Савва следует своему убеждению, противостоящему требованию действительности, и совершает преступление. Преступный путь борьбы с народными заступниками вдвое страшнее и уродливее, когда им идет бывший борец за свободу. Для Чалого, разрушающего то, что он сам строил, — это путь гибели, разрушения личности. В этом — истинное наказание героя, оно сильнее и страшнее, чем физическая смерть. Пусть Савва будет субъективно искренен в своих убеждениях, пусть он истово молит бога простить его преступления. Зритель не верит в эти порывы Саввы: перед ним человек, утративший право называться человеком. Духовно Чалый мертв. Казнь его — неизбежный конец преступного пути. Такова логика верно раскрытой внутренней жизни образа. Демонстрируя духовную гибель Саввы, театр утверждает идею трагедии — торжество народной правды — с силой, не меньшей, чем сила положительного примера.

В сложном идейно-художественном строе пьесы есть вторая трагедийная фигура, проливающая свет на тему Саввы,— шляхтич Шмигельский. В исполнении В. Ярчевского — это один из интереснейших образов спектакля, сложная драматическая фигура. Своеобразный идеалист, человек с умным, усталым взглядом, он считает, что его миссия — принести мир на Украину. Но мир и добро Шмигельский видит в «доброй» гетманской руке, зло — в борьбе и восстании. Потому он выступает против народа. Борясь с гайдамаками, Шмигельский убивает ту правду, которой хотел служить. Но в этом — и его осуждение. Гибель Шмигельского столь же заслуженна, как и казнь Саввы.

Сложные конфликтные драматические линии Шмигельского и Чалого подчинены в трагедии отрицательной силе — гетманщине, олицетворенной в образе коронного гетмана Потоцкого. Это непримиримый враг украинского народа. Действия Потоцкого, как драматического лица, в конфликте трагедии отсутствуют, но именно его воля осуществляется в поступках Шмигельского и Чалого; через них Потоцкий влияет на ход трагедийного конфликта. Потоцкий обрисован в трагедии как бы единым штрихом, но схвачен в главном, существенном. И артист С. Астафьев, художник выразительный и точный, почувствовал особенность роли. Каждый штрих портрета, каждую краску характерности он подчинил главной задаче — раскрытию существа гетмана. В блестящих выпуклых глазах, в крупных выразительных чертах красивого и злого лица, в золотой серьге, украсившей мясистое гетманское ухо, — во всем угадывается человек звериных, разнузданных инстинктов. Это особенно отвратительно по контрасту с тонкой внешней культурой поведения и острым умом, сквозящим в иронических, проницательных интонациях голоса Потоцкого — Астафьева. Все поведение его, все колебания настроений — настороженный отклик на то, что происходит за стенами гетманского дворца. А за этими стенами народ поднимается на битву.

Мы уже говорили о том, что трагедия, озаглавленная именем Саввы Чалого, посвящена народу, утверждению народной правды. И образ народа в трагедии — отнюдь не домысливаемый образ—это реальный, действующий герой, противостоящий изменнику Чалому.

Образ народа в трагедии Карпенко-Карого коллективен, это — групповой портрет. Но народ здесь не пассивный фон, не безликая толпа; он — движущая сила трагедии, он — участник главного конфликта, решающий его, решающий судьбу Чалого.

Главная тема трагедии — народ, гайдамаки,— так мыслил режиссер В. Иванов образ спектакля, и это определило внутренний пафос постановки. Режиссер верно почувствовал глубокую целеустремленность, присущую народным сценам в трагедии, и в создании массовых сцен был верен принципу правдивой, психологически точной обрисовки действующих лиц. Целенаправленную массовую волю народа нельзя передать торопливым приемом — показом «живой толпы» на сцене, реагирующей на события хоть и верно, но универсально. Обобщить можно только индивидуальности, только личности. К поискам индивидуальностей последовательно шла режиссура. В сценическую «массу», в громаду народную влились и неуверенные еще селяне, одержимые лишь жаждой возмездия, и смелые, независимые запорожцы, и бывалые гайдамаки. Живые образы их созданы А. Костыгиным, А. Бахваловым, А. Богачевым, Г. Пандиком, Г. Карякиным.

Волю лучшей части украинского народа — гайдамаков — выражает Гнат Голый. Гнат Голый — лицо историческое — отличался необычайной цельностью и последовательностью в борьбе за народную свободу. С этим определяющим качеством он вошел в пьесу, и оно же стало основным в спектакле. Гнат выписан в трагедии, как «один из народа», как человек, плотью и кровью связанный с лучшими его сынами. Передать это стало основной задачей актера. Гнат — В. Крымов в спектакле несколько однообразен. Но образ верен в главном: Гнат неотрывен от народа, его спор с Саввой — спор народа с Саввой; его рука, казнящая изменника,— рука народа. Гнат — самая привлекательная личность в трагедии, носитель положительной тенденции и выразитель исторически-прогрессивной силы. Но значит ли это, что Гната Голого нужно делать главным героем спектакля? Разумеется, нет. В сюжете, во всем построении трагедии центральная фигура — Савва Чалый.

Театр мог, конечно, как это бывает порой, во имя простейшего прихода к результату, затушевать, отодвинуть фигуру Саввы Чалого, превратить его в маску, в схему. Но тогда в трагедии не только нарушилась бы художественная стройность, — тогда был бы ослаблен конфликт, а следовательно, снизилась бы сила воздействия идеи. Ибо Савва Чалый, фигура в сюжетном отношении центральная, существует для раскрытия главной темы — судьбы народа. Эта тема прозвучит лишь тогда, когда характер героя явится во всем его многообразии, судьба героя—во всей ее остроте.

Легко миновать конфликт произведения, легче, чем его раскрыть. Но верно, последовательно раскрытый, он ведет зрителя к существу художественного произведения, дает ему возможность пережить в театре большую жизнь и глубоко, эмоционально воспринять прогрессивную идею.

НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

В рассказе Алексея Белянинова «Вверх по реке» (сборник «Лучшие годы». Свердловск. 1952. 103 стр.) не происходит ничего необыкновенного: молодой врач в кои-то веки выбрался на рыбалку, но вблизи заболел человек, и время проходит в ночном бдении у постели больного. И все же рассказ этот производит ощущение свежести, потому что автор нашел своеобразный подход к теме: рядовой случай из практики врача описан через отношения двух братьев. «Федор отводил весла далеко назад и, выгребая, почти касался затылком носовой банки. Коле, сидевшему на корме, хотелось, чтобы брат посадил себе хорошую шишку»,— так начинается рассказ. И сразу раскрываются отношения между братьями. Коля в обиде на старшего брата за то, что Федор отказался плыть на рыбалку вверх по реке. А Коле, как и всякому подростку, мечтающему о подвигах, так хотелось испытать свои силы хотя бы на веслах! И он думает: «Вообще, Федор с тех пор, как стал работать в больнице, ужасно заважничал. А что тут такого? Институты многие оканчивают...»

Но когда пришлось Коле самому бегать на медпункт за лекарством, когда на его глазах старший брат спас больного, он понял, что такое профессия врача. Теперь это был «не тот Федор, с которым можно побороться на ковре... которому можно дерзко ответить, просто не послушаться». А. Белянинов довольно тонко обрисовал психологию, характер подростка, показав вместе с тем и причину нашего уважения к благородной профессии врача.

В лучших рассказах А. Белянинов изображает своих героев во всей их жизненной цельности и сложности, наделяет их чертами главными и второстепенными, обыденными и героическими.

О молодой разведчице природы Ирине в рассказе «Не отмечено на карте» говорится: «...Самая обыкновенная девушка, с косами и шелушащимся от загара носом; она сладко спит сейчас и видит самый обыкновенный сон — как молодой почвовед говорит, что любит ее; а ведь это с ее помощью в песках, в полупустыне, вырастут деревья». И черты обыденные не снижают романтичности ее образа. Со всеми деталями описано путешествие изыскателей к высыхающим в полупустыне Нурлы-Кельским озерам, на месте которых будет создано водохранилище, «зеркалом чуть побольше Ладожского озера», наполненное щедрыми водами Волги. Герои показаны в значительный момент их жизни. Для опытного гидролога Чернова это последняя экспедиция, а для выпускницы университета Ирины — первая; одному грустно расставаться с полюбившейся кочевой жизнью, другой — радостно приступить к работе, которой она решила посвятить жизнь.

Но иногда А. Белянинов сомневается в том, что идею рассказа достаточно выразить в образах, и он добавляет ненужные разъяснения. Так, например, героев новеллы «Надо лететь» часто разлучают командировки: он летчик, она лектор. Но и в те мимолетные часы, когда они вместе, и в бесконечные сутки разлуки мы верим в их глубокое чувство. И вдруг на последней странице рассказа после свежих, жарких слов следует: «И мы заговорили о том, что нельзя любить друг друга, не живя интересами всего мира». Ведь и без этой фразы была ясной связь большого чувства героев с их большой любовью к своему делу.

У А. Белянинова лаконичный, емкий, но несколько скованный стиль: молодой писатель излишне сдержан, еще несмело пользуется словом. Описания при всей их конкретности одноцветны.

В большинстве рассказов А. Белянинову удалось четко наметить и обрисовать характеры. Только один очерк «Красная линия» не следовало бы включать в книгу. В нем размах работ на трассе канала убедительней всего показан в цифрах, а образы самих строителей бледны, схематичны.

Хорошо, что Свердловское издательство обратило внимание на рассказы молодого автора, и жаль, что без души отнеслось к оформлению его первого сборника. Он издан столь небрежно, что после первого же чтения мягкая обложка книжки отрывается от корешка.

Г. КРЫЛОВ

ВО ВТОРОЕ ПЛАВАНЬЕ...

Хотя книжка эта напечатана большими буквами, чтобы ее могли прочесть самостоятельно дети младшего возраста, мне думается, что она доставит удовольствие и взрослым. Да и автор ее, писатель Лев Кассиль, принадлежит к тем литераторам, которых читают с интересом и ребята и их родители.

Книжка «Далеко в море» (Детгиз. 1952. 160 стр.) рассказывает о советском военном корабле в дальнем плавании. Рассказывает весело, интересно, с задором и огоньком, а значит, и поэтично. Книжка построена не совсем обычно. Герои ее не имеют имен и фамилий. Это — просто командир, кочегар, радист, штурман, хотя у каждого тут есть наглядно раскрытая перед читателем своя личная, интересная судьба, а не только его морская специальность. История каждого моряка, действующего в книге Кассиля, тесно связана с его местом на корабле. Тут, мне кажется, автор поступил по примеру своих юных читателей, которые, играя, допустим, в плаванье на корабле, обходятся без имен и фамилий своих воображаемых героев, но искренно перевоплощаются в них: «Я буду капитан», «А я — радист»...

Книжка состоит из двух десятков небольших рассказов, которые срастаются в увлекательную повесть. Каждый рассказ посвящен определенной морской специальности. Многое узнают ребята из этой книги о нашей морской жизни, о доблестном труде советских моряков. Писатель заставляет нас побывать во всех уголках корабля — и на командирском мостике, и на рее мачты, и в штурманской рубке и в машинном отделении, и даже в камбузе, потому что сварить хороший борщ в свежую погоду — тоже дело не легкое.

В живых образах и картинах раскрывается тема советского патриотизма. Во многих портах побывали наши моряки, «в бою злые, а в жизни добрые», неся на своем флаге мир и дружбу. Разные люди повстречались им в этом плаванье. Во французском порту, где дымилась только трубка боцмана, потому что докеры бастовали против поджигателей войны, рабочие порта охотно погрузили на советский корабль топливо и воду. В другом порту рыбак в знак симпатии к советским людям подарил для сынишки кочегара лодочку с парусом. «Русс!.. Москва!.. Сталин!..» — этими понятными всему миру словами приветствовал советский корабль трудовой люд чужеземных стран.

Писатель показывает и другой мир — враждебный, алчный, темный мир капитализма. В узком проливе советский корабль обгонял старое потрепанное судно. Вдруг рулевой его умышленно пошел наперерез курсу нашего корабля, и, если бы не находчивость капитана и штурвального, авария была бы неизбежна. Таким бесчестным образом владелец судна, которому давно пора на корабельное кладбище, хотел заставить Советский Союз «возместить потери».

Тема высокого морального облика советских людей, их патриотизма, любви к своей социалистической Родине звучит почти в каждом рассказе, то величаво и торжественно («На флаг — смирно!»), то лирически-задушевно («Встреча в океане», «Перелетные гости»).

Чувствуется, что Лев Кассиль любит море, то грозное, когда «каждая снасть по-своему воет, каждый винтик по-особому скрипит», то зеркально-спокойное, когда «тихо вокруг. И пусто. В небе — ни облачка, в море — ни соринки. Корабль словно в воздухе висит...» Л. Кассиль — хороший рассказчик, знающий нашу морскую жизнь и умеющий говорить о ней точным языком. Жаль только, что писатель не поработал над речевой характеристикой своих героев: речь автора и его персонажей очень близка по манере. Например, кочегар в письме сынишке и лоцман в иностранном порту изъясняются одним и тем же языком, почти не отличающимся от авторского.

Исправленная и значительно дополненная автором по сравнению с первым изданием, книжка вышла теперь, так сказать, во второе свое плаванье.

Г. МЕЗЕНЦЕВ,
капитан дальнего плаванья

МАЙКЛ ГОЛД
МЫСЛИ ОБ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Публикуемая нами ниже статья принадлежит перу старейшего американского прогрессивного писателя Майкла Голда. Она была напечатана в одном из последних номеров журнала «Мэссис энд мейнстрим» за 1953 год.

Непосредственным поводом к написанию этой статьи послужила раздуваемая реакционной прессой клеветническая кампания, будто американские коммунисты являются агентами «иностранной державы». Под флагом борьбы с «подрывными силами» реакционные элементы США подвергают гонению и преследованиям всех, кто держится прогрессивных взглядов.

На самом деле, и об этом пишет в своей статье Майкл Голд, социалистическое движение в США имеет большие традиции, оно возникло и развивалось на национальной почве, на почве борьбы американских трудящихся за свои права. Исходя из этого, Майкл Голд и призывает писателей быть выразителями интересов народа, его потребностей и чаяний.

Статья публикуется с небольшими сокращениями.

Социалистическое движение существовало в Америке за сто лет до русской революции. Хорас Грили и Бронсон Олкотт[1] проповедовали утопический социализм. Среди аболиционистов[2] были такие люди, как Уэнделл Филлипс, призывавший уничтожить наемное рабство и заменить капитализм братством людей и коллективным владением собственностью.

История рабочего класса, его успехи и идеалы слишком широко известны, чтобы можно было поверить жалким судебным инсценировкам «заговоров». Сам я стал участником социалистического движения за несколько лет до русской революции, когда не могло быть и речи о «руководящей руке Москвы». Среди американцев, впервые вдохновивших меня идеями социализма, были Юджин Дебс и Билл Хейвуд.

Большую роль в моем обращении к социализму сыграл также тот факт, что я был безработным. Дело происходило в 1914 году, и Америка переживала очередной кризис, жертвой безработицы стал и я. Мне тогда было девятнадцать лет, но я уже больше семи лет работал по найму. Отец мой много лет болел, и я был главным кормильцем семьи. Когда меня выгнали с работы, я это воспринял как величайшую трагедию.

В то утро, исходив много миль по городу в безуспешных поисках какой-нибудь работы, я попал на большую демонстрацию безработных в Юнион-сквере. Я слушал выступления ораторов. Внезапно налетела огромная свора полисменов. На моих глазах ударили по голове женщину-работницу, и она упала на мостовую. Инстинктивно я бросился к ней на помощь, но потный полисмен, со взглядом убийцы, ударил и меня своей дубинкой.

На этом митинге я купил впервые номер журнала «Мэссис»[3], истратив десять центов, которые бережно хранил в качестве «неприкосновенных». «Мэссис» преподал мне первые уроки социализма. Романтический дух этого журнала привлекал юные сердца, его реализм раскрыл мне глаза на жизнь. «Мэссис» вдохновил меня написать поэму о безработице — первое произведение, с которым я выступил в печати. Поэма была опубликована в этом же журнале, положив начало моей литературной деятельности. Я хотел рассказать правду о зле, жертвами которого являются мои соотечественники — американские рабочие.

Впрочем, возможно, что в моем детстве на меня действовали «подрывные силы», подготовившие меня к принятию социализма. Такой силой являлась, например, нью-йоркская публичная библиотека. Я рос страстным любителем чтения, и в числе наиболее близких мне писателей были: Чарльз Диккенс, Виктор Гюго, Марк Твен — они все, как один, «заговорщики» против системы наживы и войны.

Мне кажется, что нет такого опубликованного произведения Марка Твена, которого я не читал бы. Твен был популярен среди моих современников: весь Ист-Сайд[4] любил этого друга русской революции 1905 года, который лично присутствовал на митингах протеста против еврейских погромов, учиненных царизмом, и подписывал соответствующие декларации.

Твен любил бывать в Ист-Сайде. Однажды я видел его, когда он приехал на спектакль «Принц и нищий» в благотворительное «Общество просвещения». Мы, нищие ребятишки, толпой осаждали двери бесплатного театра. В это время подкатил экипаж, из него вышел красавец-старик с белоснежной шевелюрой и усами пирата. На нем был белый костюм, и он курил большую сигару. Мы громко приветствовали его, в ответ он улыбался и, проходя, гладил нас по головам.

Согласно господствующим ныне определениям, Марк Твен являлся «подрывателем» и «заговорщиком». Но он был просто борцом за мир, как Поль Робсон и Говард Фаст. Он был противником американского империализма. Он стоял за русскую революцию и за американский народ.

В молодости огромнейшее влияние оказал на меня Уолт Уитмен. Я перечитывал его произведения столько раз и при таких различных обстоятельствах, что мне кажется, я мог бы сесть и написать о нем книгу, не заглядывая ни в какие источники. Сегодня Уолта наверняка посадили бы за решетку. Горас Траубель, его друг и биограф, рассказывает, что Уолт подписал петицию об освобождении жертв «хеймаркетской провокации»[5].

Отголоски гражданской войны «Севера против Юга» тоже подготовили меня к восприятию социалистических идей. Борьба против рабства была еще свежа в памяти многих людей, которых я знал. Директором начальной школы, в которой я учился, был величественный седобородый старик полковник Смит, любивший во время утренних сборов рассказывать нам эпизоды из гражданской войны. Были живы еще многие ветераны гражданской войны, в том числе отец одного из моих друзей, капрал Майкл Голд, благородный, пылкий старик, который умер несколько лет тому назад в возрасте девяноста пяти лет. Я взял себе его имя в качестве псевдонима, против чего он нисколько не возражал.

Прошло более 30 лет с тех пор, как спала пелена с моих глаз и я понял, что безжалостный капитализм не вечен и может быть заменен более человечной и лучше действующей социальной системой. За истекшие годы мне пришлось перевидеть расцвет и закат самых различных культов в буржуазной литературе — скептиков, абстракционистов, фрейдистов, мистиков, туманных символистов, клоунов и дрессированных моржей, а также чернильных пигмеев, помешанных на эротике.

Даже наиболее способные из буржуазных писателей, те, в творчестве которых буржуазный индивидуализм нашел свое самое яркое выражение, писатели, подобные Джеймсу Джойсу или Т. С. Элиоту, терпят одно поражение за другим. Они попали в исторический тупик, будущего у них нет. Но с каждым годом все ярче разгорается над миром великая заря освобождения, открывающая все новые чудеса человеческих деяний. Буржуазный писатель — добровольный отшельник, занятый самокопанием, — отвергая народ, отвергает вместе с тем и действительность во всем ее великолепии.

Основой национальной литературы могут быть только правда и только народ. Нацию составляют не банкиры и генералы с их интеллигентами, которых они держат у себя в плену. Нация — это американцы, которые варят сталь, водят корабли, пашут землю. И писатель, оторвавшийся от них, не может быть подлинным национальным писателем, таким, как, например, Толстой, Диккенс, Уитмен, Шон О'Кейси или Теодор Драйзер.

Стоит только писателю в США завоевать признание, добиться успеха, как он становится жертвой мощной машины коррупции. Говоря о людях своей профессии, Хемингуэй охарактеризовал создавшееся положение в следующих словах: «На определенном этапе наших хороших писателей постигает беда: они начинают зарабатывать большие деньги. Им приходится менять свой образ жизни, и тут-то таится их гибель. Чтобы жить богато, надо писать, и вот они пишут разную дрянь».

Ван-Уик Брукс[6] написал несколько книг, стремясь доказать, что Америка не позволяет ни одному писателю подняться в полный свой рост. «Наша литература — это длинный список духовных крушений,— пишет он.— Обычным явлением стали загубленный талант, талант, не получивший развития, талант извращенный».

Брукс окутывал этот процесс мистикой, не видел достаточно ясно его материальной подоплеки. Он также склонен был преувеличивать степень загнивания литературы, игнорируя здоровые семена, которые всегда произрастают под землей. И все же в его словах есть правда: наши наиболее известные писатели в момент ныне переживаемого страной кризиса далеки от выполнения своего долга — морально руководить людьми.

Некоторые из них, например, Хемингуэй и Колдуэлл, безучастны ко всему, как могила. А между тем сам Хемингуэй вошел в литературу, как бунтарь против капиталистической войны. Он принадлежал к тому «потерянному поколению», чье разочарование в американском империализме после первой мировой войны внесло в литературу такой пессимизм и пораженчество, каких она никогда не знала. Позднее Хемингуэй занял антифашистскую позицию, выступая на стороне республиканцев и против Франко. Почему же не слышно голоса этого писателя в сегодняшней борьбе за мир и против фашизма в Америке?

Или взять Карла Сэндберга. «Успех вредит Карлу», — сухо заметил как-то Франк Ллойд Райт[7]. Сегодня нам трудно поверить, что Сэндберг начинал свою литературную деятельность не на страницах коммерческой печати, а в изданиях социалистической партии.

Вспоминаю свою долгую прогулку с Сэндбергом однажды ночью во время кризиса по рабочему району Чикаго. Он так красиво говорил, не торопясь и убедительно, о рабочих, о их тяжелой жизни, о их нравственной красоте. «Рабочие,— сказал он,— главный класс в Америке, и я твердо стою на их стороне».

Об этом я подумал на днях, когда пресса Генри Люса и других газетных воротил устроила рекламную шумиху по поводу семидесятипятилетия Сэндберга. Я видел много фотоснимков Сэндберга в окружении банкиров, генералов и других столпов монополий, толстобрюхие «мальчики» горделиво ухмылялись, глядя на бывшего рабочего поэта.

«Народ, да!» — провозглашал когда-то Сэндберг. Но какова его позиция сегодня, когда народ борется против фашизма, заползающего во все поры? Неужели лживые аплодисменты Генри Люса заглушат стоны женщин и детей, сжигаемых напалмом с благословения того же Люса?

Несравненно гнуснее звериный вой Эптона Синклера и Джона Стейнбека и их призывы к войне против стран социализма. В течение многих лет Синклер считался ведущим социалистическим писателем Америки. Нынешнее поколение уже почти забыло, что повсюду для миллионов рабочих он являлся самым известным американским писателем. Теперь книжки о Лэнни Бэдде принесли ему богатство и успех у буржуазии, и он утратил полностью связи с американским народом и интерес к народной жизни. Более того, он увлекся сумасшедшими планами атомной войны, которые разрабатывают его хозяева.

Еще один пример того, что Ван-Уик Брукс называет «талантом извращенным»,—Джон Стейнбек. После многих лет барахтанья в мистике Стейнбек лишь один раз приблизился к правде и к народу, когда он написал реалистическую эпопею кризиса — «Гроздья гнева».

Мне вспоминается встреча с ним за несколько лет до написания им «Гроздьев гнева». Я приехал на машине с Гарри Карлайлем в лесистую калифорнийскую долину, где Стейнбек жил в бревенчатой хижине (кстати, Карлайл — английский писатель, которого ныне высылают из нашей страны потому, что он слишком демократичен для Америки!). Стейнбек приветствовал нас с бурной радостью. Тогда это был крупный здоровый человек в поношенных брюках и старой рубашке. На столе стоял галлон джина, и он вдвоем с соседом уже успел изрядно выпить. Мы присоединились к ним.

Это был одновременно и праздник и похороны. Стейнбек показал нам телеграмму, которую он получил в то утро от своего издателя. Его книга «О мышах и людях» только что вышла в свет. Издатель сообщал, что она имела грандиозный успех.

Стейнбек проливал слезы в рюмку: «Первый мой успех! Боюсь его до смерти, боюсь! Не хочу быть богатым! Писатель должен всегда оставаться бедным и честным! Что теперь со мной будет?!»

Увы, опасения оправдались! Стейнбек ездит во франкистскую Испанию и поет ей дифирамбы, в то время как кровь героев, отказывающихся подчиниться фашизму, льется на улицах. На страницах журнала «Кольерс» Стейнбек выступает, как активный пропагандист атомного империализма.

В наши дни художник, врач, юрист, учитель и другие представители интеллигенции особенно остро чувствуют давление наступающего фашизма. Многие боятся и пресмыкаются. Но мы видим также немало героизма и сопротивления. Мне кажется, что большинство американцев находится в состоянии неуверенности и потрясения. Все ждут, что будет дальше. Такое настроение преобладало во Франции в первые месяцы германской оккупации. Его называли «аттентизм» — болезнь ожидания чего-то, что должно случиться с человеком.

Французы вышли из этого состояния, и также выйдут из него очень многие наши мелкобуржуазные интеллигенты. Они придут в движение по мере того, как рабочий класс будет усиливать свою борьбу против реакции. У литературы появится идеал, и она вновь оживет, как было в годы экономического кризиса.

Во время кризиса люди поднялись, «как львы после сна». Рабочий класс возглавил борьбу за социальный прогресс. Это отразилось в культурном ренессансе; я имею в виду не отдельные личности, но нацию в целом, которая имеет глубокие корни и в самой глухой деревне и в самом большом городе.

Ныне, когда реакция умертвила страхом сердца многих писателей, мы видим попытки очернить достижения литературы и искусства этих голодных тридцатых годов. Но оппортунисты не в силах переделать историю или сжечь все книги и все картины этого периода.

Мы вступаем в наиболее трудную, но вместе с тем и наиболее оптимистическую фазу нашей истории. Фашизму будет оказано сопротивление. Будет расти новая, народная литература. Сейчас у нас меньше прогрессивных писателей и художников, чем десять лет тому назад. Репрессии сыграли свою роль, а «просперити» убило много талантливого. Но я верю, что передовые писатели сегодняшнего дня — идейно более зрелые и сознательные люди, чем были писатели прошлого.

Позвольте проиллюстрировать эту мысль примером. Юджин О'Нейл начал свою карьеру в маленьком театре Провинстаун пьесами о моряках. Я тоже был участником этого коллектива: театр ставил и мои произведения из жизни городской бедноты. Помню, как О'Нейл, сидя со мной в старом кабаке Хэл Хоул, показывал мне газетные вырезки и злобно рычал: «Я убью этого негодяя!». Угроза его относилась к одному реакционеру-сенатору, речь которого приводилась в этих вырезках. Сенатор называл членов организации «Индустриальные рабочие мира» обезьянами.

Эти газетные вырезки послужили поводом для пьесы О'Нейла «Волосатая обезьяна», героем которой был пароходный кочегар. Я уверен, что О'Нейл написал эту пьесу, движимый антикапиталистическими чувствами. Но если сравнить пьесу О'Нейла с новой пьесой «Долгота 49'» молодого писателя Херба Тэнка, то мы убедимся, что О'Нейл был не больше, как туристом, сторонним наблюдателем. В сущности, он писал не о кочегаре, а о самом себе. В уста кочегара он вкладывал собственную мелкобуржуазную беспринципность, декадентство, чувство вины и пораженчество—метафизическую мешанину, которая возможна в кафе, где собираются экзистенциалисты, а не в кубрике матросов.

Херб Тэнк много лет плавал на судах, он не турист, нет. Его моряки — живые люди, а не философствующие марионетки. Их драма не выдумана писателем, она связана с их трудом, автор относится к ней с пониманием и сочувствием.

Можно привести в качестве еще одного примера романы Клода Мак-Кея, с которым я в течение нескольких лет совместно редактировал журнал «Либерейтор». Мак-Кей был прекрасным лирическим поэтом, создавшим классические поэмы о борьбе негритянского народа против рабства. Но в своих романах Мак-Кей подпал под влияние некоторых писателей, подобных Карлу Ван Вехтену[8].

А вот Ллойд Браун, один из редакторов нынешнего журнала «Мэссис энд мейнстрим»—это уже зрелый прогрессивный писатель. В своем романе «Железный город», написанном в простой и сильной манере, Браун изображает людей новой формации, передовых негритянских рабочих, у которых есть надежда, которые храбро борются, вооруженные передовой теорией и знанием, что они — творцы истории. Та же зрелость и эпическая простота характерны для Филиппа Боноски, потомственного сталелитейщика. Творчество таких писателей, как Браун и Боноски, уходит глубокими корнями в жизнь народа.

От всего сердца я приветствую таких писателей и художников! Они — наша смена в давно начатой битве за братство людей, за мир, за созидание, за социализм.

---

[1] **Хорас Грили** (1811—1872) — журналист и политический деятель. Издатель и редактор нью-йоркской газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», в которой за 1851—1862 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс поместили около 500 статей. **Бронсон Олкотт** (1799—1888)— американский педагог и писатель. **(Ред.).**

[2] **Аболиционизм** — движение за отмену рабства негров, возникшее в конце XVIII в. в США, Франции и Великобритании и получившее наибольшее развитие в США в первой половине XIX в. **(Ред.).**

[3] **«Мэссис»** — прогрессивный американский литературно-критический журнал, основанный в 1911 году. Выходит ныне под названием «Мэссис энд мейнстрим». **(Ред.).**

[4] **Ист-Сайд** — район Нью-Йорка, населенный беднотой. **(Ред.).**

[5] Имеется в виду первомайская демонстрация рабочих на площади Хеймаркет в Чикаго в 1886 году, во время которой с провокационной целью была брошена бомба. Это послужило предлогом для казни четырех руководителей рабочего движения. **(Ред.).**

[6] **Ван-Уик Брукс** — известный американский критик и историк, в своих последних работах выступающий против разрушения реалистических традиций в литературе. **(Ред.).**

[7] **Франк Ллойд Райт** — известный американский архитектор, автор ряда работ по истории современного искусства. **(Ред.).**

[8] **Карл Ван Вехтен** — американский писатель, автор романа «Негритянское небо» (1926), один из проповедников так называемой «гарлемской традиции» в негритянской литературе. Сущность этой пропагандируемой американскими реакционными критиками и писателями «традиции» сводится к изображению жизни негров в условно экзотической манере, к насаждению аполитичности и настроений отказа от борьбы за свободу и равноправие.

ПОЖЕЛАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРАТО

За годы правления демохристианской партии в Италии чрезвычайно обострился кризис текстильной промышленности. Так, например, в одной только провинции Тоскана закрыто 35 текстильных предприятий. В период с июня 1951 по июнь 1952 года, сообщает журнал «Нотиције экономике», число занятых рабочих-текстильщиков в Италии сократилось на 38.300 человек. Недавно газета «Унита» сообщила, что в связи со свертыванием производства на текстильных фабриках Ломбардии объявлено об увольнении 4.000 рабочих, а на текстильных предприятиях «Куэрчи» (провинция Флоренция)—280 рабочих...

Публикуемый нами снимок, который мы заимствуем из итальянского журнала «Лаворо», сделан в городе Прато (провинция Тоскана). Трудящиеся города, протестующие против политики нынешних правителей Италии, ведущих страну к экономическому хаосу, повесили под большими уличными часами толстый лист картона, по обе стороны которого написано: «Пришло время прогнать правительство, виновное в текстильном кризисе».

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

В английской газете «Дейли геральд» в № 11604 за этот год была опубликована редакционная статья, посвященная проблеме снижения жизненного уровня английских трудящихся.

DAILY HERALD

And this year, fewer and fewer people have been able to buy their full rations. Bacon, cheese and cooking fat rations are all being left unsold.

The reason is clear. For many millions of people, food prices have been rising faster than income.

В статье говорится:

«И в этом году все меньше и меньше людей имели возможность выкупать все свои пайки полностью. Бекон, сыр и жиры для приготовления пищи остаются нераспроданными.

Причина ясна. Для многих миллионов людей цены на продовольствие росли быстрее, чем доход».

Комментарии излишни!

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

Урсула ШМИЦ

Пресловутый «день икс», подготовленный иностранными наймитами, не состоялся. События 17 июня, когда агенты боннского министра Якоба Кайзера спровоцировали беспорядки в Берлине, только на короткое мгновение затуманили внешний облик поднимающейся из руин немецкой столицы.

С каждым днем выясняются все новые и новые подробности фашистского заговора, все определеннее выявляются нити, связывающие фашистских погромщиков, орудовавших на улицах Берлина 17 июня, с боннской кликой. Так, сегодня агентство АДН передало весьма любопытное сообщение из Бонна. В нем говорится, что накануне берлинских событий в Западный Берлин из Франкфурта-на-Майне прибыл самолет «неизвестной национальной принадлежности». На борту самолета была доставлена группа «особенно надежных», специально обученных молодчиков из фашистского «Союза немецкой молодежи».

Это и была одна из групп провокаторов, посланных в Берлин боннским министром Кайзером. Далее агентство АДН сообщает, что эта группа отборных фашистских головорезов, как и другие подобные им банды провокаторов, обучалась бандитским действиям начиная с 1951 года в Баварии, на американском военно-учебном плаце...

В демократическом секторе Берлина жизнь уже давно снова течет нормально. И все же за две недели, прошедшие со дня фашистской провокации, многое изменилось. Эти изменения можно наблюдать в тысячах мелочей повседневной жизни. Они отражаются на лице города, чувствуются в разговорах людей.

Утром 18 июня мы отправились к строительным рабочим на улице Вильгельма Пика в районе Митте. Среди них были люди, которые накануне на несколько часов оставили свою работу. Но они это сделали не для того, чтобы принять участие в беспорядках. Они в течение этих часов защищали выставленный перед строительной площадкой портрет Эрнста Тельмана от покушений иностранных агентов.

Но среди строительных рабочих нашлись и такие, которые поддались на фашистские провокации. За их спиной пытались спрятаться фашистские провокаторы и иностранные агенты, бандиты из организации «Союз немецкой молодежи». Однако люди, введенные в заблуждение, очень скоро поняли, что беспорядки были направлены прежде всего против их же собственных интересов.

На предприятиях Берлина идет нормальная работа. У строительства теплоцентрали для новых жилых домов на Аллее Сталина мы встретили двух рабочих — Шефера и Фишэдера. Они здесь были единственные, которые 17 июня дали врагам ввести себя в заблуждение. А сегодня оба поняли свою ошибку и сами объясняют своим товарищам, как бандиты их гнусно использовали. «Мы этого не хотели»,—говорят Шефер и Фишэдер, рассказывая о том, как фашисты били окна в здании одного из министерств и в соседних зданиях.

Да, они этого не хотели. И в тот день, 17 июня, у них на многое раскрылись глаза. Сегодня Фишэдер и Шефер, разобравшись в случившемся, работают с новой энергией. Они проклинают фашистских провокаторов и их покровителей.

Строительные рабочие, которых фашистские провокаторы хотели вовлечь в свою авантюру, в эти дни вместе со всеми трудящимися ГДР выступают в поддержку народного правительства. На собрании рабочих и служащих строительного участка № 40 на Сталин-Аллее все выступавшие призывали повысить бдительность, чтобы не допустить новых вылазок западноберлинских и западногерманских провокаторов. Собрание на строительном участке № 40 прошло под лозунгом: «Мы доверяем нашему правительству — правительству труда и мира!»

Сегодня в газетах опубликована резолюция собрания рабочих, занятых на подземных работах в районе площади Штраусберг. «Мы, строительные рабочие,— говорится в этой резолюции,— выражаем нашему правительству свое доверие и поддержим его в борьбе за восстановление единства Германии».

***

Каждое утро у газетного киоска, находящегося на углу Шенгаузер аллее и Шивелбейнер штрассе, можно наблюдать такую картину: десятки трудящихся стоят в очереди за свежим выпуском утренних газет и тут же на месте обсуждают опубликованные в этих газетах факты о том, как проводятся в жизнь постановления правительства о повышении жизненного уровня населения. Обсуждение этих мер продолжается в кооперативах и частных магазинах, на базарах, где количество и ассортимент товаров за последние дни значительно увеличились, а цены на ряд товаров снизились.

Обсуждение продолжается в почтовых отделениях, где в эти дни выдаются пенсии, повышенные на 10 марок. Тот факт, что непосредственно после заявления правительства о повышении пенсий сразу же последовали конкретные действия, укрепляет доверие трудящихся к своему правительству.

Это яснее всего ощущается там, где улицы и кварталы столицы Германии разделены границей между демократическим и западными секторами Берлина. Отсюда еще недавно на Восток пробирались бандиты. Сегодня в этом же направлении льется совсем иной людской поток: ежедневно сотни мужчин, женщин и подростков покидают западные секторы и возвращаются в Германскую Демократическую Республику. Эти люди в свое время отправились в Западный Берлин, считая, что там им будет лучше. Большинству из них понадобилось совсем немного времени, чтобы понять сущность аденауэровского «рая»... Не помогли ни травля, ни угрозы реакционной западной прессы. Правда о новом курсе правительства ГДР, направленном на улучшение жизненных условий народа, оказалась более убедительной.

«События 17 июня, приготовления к которым мы могли наблюдать собственными глазами, убедили нас в том, где настоящее место для всех честных людей»,— заявил, например, крестьянин Герберт Албрехт, вернувшийся 27 июня вместе с женой и тремя детьми в демократический сектор Берлина.

Хозяин отеля (Пренцлауэр штрассе, 23) говорит:

— Там, в Западном Берлине, для честных, работающих людей будущего нет. И я понял это.

***

Жизнь на площадях, улицах, в магазинах и на предприятиях демократического Берлина идет своим привычным порядком. Городской транспорт работает бесперебойно. В кинотеатрах полно народа. В уютных государственных кафе много трудящихся, которые в часы отдыха наслаждаются здесь благами летнего вечера...

В эти теплые вечера всюду видишь одно и то же: группы берлинских юношей и девушек обступают советских солдат, оживленно разговаривают с ними. Вот под звуки гармошки молодые женщины и девушки кружатся с военными в танце. А пожилые сидят с советскими офицерами и солдатами на скамейках парка, коротая время в дружеской беседе. То тут, то там эти встречи принимают характер подлинного народного гулянья. Звучат немецкие и русские песни, люди танцуют, повсюду громко раздаются взаимные приветствия, идет оживленный обмен значками и другими знаками дружеского внимания.

Да, эти летние вечера, последовавшие за 17 июня, останутся надолго в памяти жителей германской столицы. В эти вечера, когда на улицах Берлина «Калинка» сменяется «Гимном демократической молодежи», когда немецкая молодежь отдается веселью и танцам, — становятся понятными весь авантюризм, вся смехотворность попытки фашистских провокаторов из Западной Германии инсценировать в демократическом Берлине, в ГДР пресловутый «день икс».

Песни и танцы немецких граждан и их советских друзей на улицах Берлина в эти дни говорят о том, что дружба миролюбивых народов сильнее любых фашистов в мире. Эта сила особенно проявила себя во время мощных демонстраций берлинцев 26 июня, когда рабочие выразили свое полное доверие Социалистической единой партии и правительству Германской Демократической Республики. Она проявила себя на собраниях и митингах в Советском Союзе, отчеты о которых с волнением читают берлинцы, читают о том, что советские люди единодушно осудили фашистскую провокацию 17 июня.

— Об эту силу разобьются любые попытки поджигателей войны, — говорит мне старый берлинский рабочий, указывая на городскую площадь, где под свежей листвой деревьев расставлены садовые скамьи.

А там происходит следующее: сидит молодой советский солдат. На руках у него — немецкая девочка лет пяти. Солдат читает ей сказку на ее родном языке. Немецкие слова получаются у него не совсем складно, но это обстоятельство не мешает ни ему, ни его маленькой слушательнице.

— Почему ведьма ничего не может сделать Гансу и Гретель? — спрашивает вдруг ребенок и вопрошающе смотрит на своего большого друга.

Солдат сдвигает фуражку на затылок, веселое лицо его становится серьезным, и он говорит:

— Видишь ли, Ганс и Гретель крепко стояли друг за друга. Они были друзьями, которые один другому всегда помогают. А потому им никто ничего дурного сделать не мог, понимаешь?

— Такие друзья, как мы с тобой, дядя Руденко?

— Да, милая, да,— с широкой, радостной улыбкой отвечает сержант Руденко и под бурное одобрение окружающих поднимает девочку высоко вверх. — Такие друзья, как ты и я, друзья — на вечные времена!

БЕРЛИН, 1 июля. **(По телеграфу)**

Памяти Всеволода Пудовкина

Пройдет время — исследователи подробно и точно определят роль и место Всеволода Пудовкина в истории нашего советского искусства. Мы, современники, знаем, что значение его было велико. Он стоял у истоков социалистического киноискусства, был одним из его зачинателей, одним из лучших его мастеров до самых последних своих дней, создавал его мировую славу.

Он только что был с нами, и образ его еще живет среди нас не как воспоминание, а как реальность.

Каждый видел его и относился к нему по-своему, но есть черты, которые были видимы и дороги всем.

Нелегко найти человека, столь жадно любившего жизнь, как он. Пудовкин любил жизнь не мыслью только, но всем существом полного сил человека: зрением, доставлявшим ему величайшие радости, слухом, для которого музыка была сопровождением не только фильмов, но и всего сущего, наконец, даже мускулатурой бегуна, теннисиста, гимнаста, наслаждавшегося дыханием, напряжением, отдыхом после состязаний. Говорят, что живое отличается от неживого тем, что для сохранения неживого надо возможно более отделить его от среды; живое же, чтобы жить, стремится найти с окружающим возможно более связей. Если это так, то Пудовкин был воплощением жизни. Он непрестанно множил свои знакомства с людьми, с ландшафтами, с законами природы, с явлениями искусства, в жажде впитать в себя весь мир и всегда злясь, что есть еще множество вещей, которых он не знает, не видел, не понял. Все это происходило не потому, что он заранее установил для себя такой способ жить, а потому, что он сам был именно так и только так устроен. Это было ему присуще, как черты внешности, как большие костистые руки с твердыми выпуклыми ногтями, как смущенная и вместе озорная улыбка, как внезапные вспышки гнева, возникавшие обычно, если он видел плохое искусство. Когда на шестидесятилетнем юбилее пионеры обратились к нему со словами: «Дедушка Пудовкин», по залу прокатился хохот — так не вязалось это слово с всеобщим представлением о юбиляре!

В нашем чудесном мире, в обожаемой этой жизни все ждет и требует воплощения,— так чувствовал он. Нельзя наслаждаться пейзажем и не изобразить его — на холсте или на экране, нельзя быть счастливым и не передать образ счастья другим — посредством фильма, рассказа, сцены... Любить жизнь — значит показывать людям ее красоту, осуждать всенародно и со страстью ее темные стороны. Пудовкин был художником столь же органически, как и жизнелюбцем. Жить для него — значило воплощать. Это не было только любимой работой, а являлось чертой всего поведения, всего обихода. Случайное наблюдение или даже анекдот, в котором он видел какую-то характерность, превращался в эпизод, разыгранный, как сценическая миниатюра. Если Пудовкин возился с детворой, то это было целое представление, в котором все участники, и прежде всего он, в восторге ребяческого вдохновения выдумывали удивительные вещи, чтобы привести в такое же восхищение и зрителей.

В юности Пудовкин готовился стать ученым и был актером. Эти пристрастия ранней поры светились в нем всю жизнь. Он хорошо разбирался в сложных вопросах современной физики, сделал очень интересную картину об учении И. П. Павлова, увлекался астрономией и мечтал создать целую серию научно-художественных картин. Между наукой и искусством виделась ему гораздо более тесная близость, гораздо более глубокое влияние, чем принято думать. Он верил, что именно кинематограф может воплотить и показать единство науки и художества.

Природа актера жила в нем всегда. Он был особенно строг к себе в этой области. Однако и в режиссерской работе он не подавлял своего пристрастия. Он не только объяснял актерам свой замысел, но часто показывал игрой, как надо понимать образ или сцену. Вот почему нередко в фильмах, поставленных Пудовкиным, зритель видит не только его творческую манеру как режиссера, но в игре исполнителей улавливает жест, интонации Пудовкина-актера.

Творчество Всеволода Пудовкина было творчеством больших форм. Обыденность, камерность никогда не привлекали его, как предмет поэтизации. Он стремился к изображению событий исторических, к воплощению могучих характеров, пламенных страстей. Так родились герои фильмов «Мать», «Потомок Чингис-хана», «Суворов» и других. Большинство картин Пудовкина посвящено русскому человеку, могучей силе его ума и таланта, его любви к Родине. Патриотизм — таков генеральный сюжет его произведений, каким бы эпохам, каким бы событиям они ни посвящались.

Борцы за единство и независимость нашей Родины в ранние времена ее истории, герои военной славы России XVIII и XIX веков, мужественные патриоты, борющиеся с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, наконец, мирные люди нашего сегодня в богатстве, сложности и высоте их духовной жизни проходят перед нами в фильмах Всеволода Пудовкина, раскрывая черты величественной истории русского народа, рисуя характеры русских людей.

Не случайно, что первым совершенным творением В. Пудовкина был фильм «Мать» — симфония ненависти к царизму и рабству, призыв к подвигу во имя народа, гимн человечности и любви. Этот фильм стал как бы программой всего дальнейшего творчества В. Пудовкина, мотивы его содержания и его художественных методов можно проследить в большинстве последующих работ. Этим фильмом определились и его мировоззрение и его общественное лицо.

Огромную роль в развитии В. Пудовкина, как художника, сыграла Коммунистическая партия, членом которой он был. Партия не только уберегла В. Пудовкина от всяких пережитков трюкачества и беспринципности буржуазного кино, — она указала ему тот путь, на котором он нашел и утвердил себя. Благодаря партии он находился в центре богатой и многообразной общественной жизни, которая питает, обогащает человека искусства.

Патриотизм, человечность, величие подвига, призыв к борьбе, красота мужества — все эти высокие темы находят свое выражение в формах монументальных, эпических, т. е. наиболее трудных для искусства. Широкое обобщение, исторический охват событий не мирятся ни с забавностью, ни с камерными подробностями быта. Из арсенала искусства художник отбрасывает больше, чем принимает, и мужественно отказывается от многих средств, которые в иных обстоятельствах дали бы возможность снискать быстрое и легкое признание зрителей.

Легкого успеха всегда боялся Пудовкин. Как у всякого большого художника, у него были и творческие неудачи, но никогда они не происходили от поверхностного или тривиального отношения к теме. Наоборот. Известно, например, что режиссерский замысел фильма о Н. Г. Жуковском был настолько сложен и труден для претворения, что после упрощений и сокращений картина оказалась слабее некоторых других работ В. Пудовкина.

Зато, когда Пудовкину удается полностью достигнуть задуманного, при всей строгости художественных средств, при всей сдержанности манеры, при самом широком историческом обобщении, фильмы его достигают силы необыкновенной, образы их остаются в памяти народа, мастерство их служит образцом. Таков, например, фильм «Суворов» — одно из лучших творений и В. Пудовкина и всей советской кинематографии.

Творческий путь В. Пудовкина есть путь одного из выдающихся представителей искусства социалистического реализма. Его любовь к жизни, любовь к своему народу, его органический оптимизм, неуемная жажда все познать и все воплотить создали искусство жизнеутверждающее, умное и страстное, искусство, нужное народу, нужное художникам, дающее перспективу, вдохновляющее на творчество.

Художник огромного таланта, человек чистых помыслов, общественный деятель горячей убежденности, активный участник всемирного движения борьбы за мир, Всеволод Пудовкин внес большой вклад в нашу советскую культуру, в передовое киноискусство всего мира.

Горько знать, что Пудовкина нет среди нас. Но, вспоминая его сердитый взгляд, как только речь заходила о чем-нибудь грустном, будем думать о его прекрасной жизни и о том, как будет она продолжаться в новых творениях нашего искусства.

Б. АГАПОВ

ВОЗВРАТЯСЬ НА РОДИНУ...

Академик Е. ТАРЛЕ

У венгерских ученых

В первой половине июня в Будапеште состоялся Конгресс венгерских историков. Публикуем статью акад. Е. Тарле о его венгерских впечатлениях.

Конгресс венгерских историков был организован Академией наук Венгрии, ее Институтом исторических наук и Историческим обществом. В работе конгресса участвовали Институт истории рабочего движения, Архивное управление и ряд других научных учреждений страны. Этот конгресс развернулся в крупное событие духовной жизни народов не только Венгрии, но и Восточной Европы, что было обусловлено общей дружной и плодотворной совместной работой венгерских историков и съехавшихся в Будапешт делегаций историков стран народной демократии и Советского Союза.

Мне хочется в немногих словах суммировать свои личные впечатления от всего пережитого в дни пребывания в Венгрии.

Прежде всего советскую делегацию поразило исключительное по внимательности, обдуманности всех деталей и, прямо скажу, сердечности гостеприимство, которое мы встречали буквально на каждом шагу. Самая трогательная любезность, предупредительная, заботливая благожелательность бросались в глаза в течение всего нашего пребывания в венгерской столице.

Поделюсь одной мыслью, которая часто приходила нам, советским делегатам, в голову: в этом исключительном и теплом приеме чувствовалось нечто большее, чем обычные отношения устроителей подобных научных «фестивалей» к приглашенным гостям. И уже с первых двух-трех дней для нас стало ясно, в чем дело. Представители столичной интеллигенции, с которыми приходилось общаться, не скрывали, что Советский Союз и советские люди для них, для поколения, пережившего освобождение от гитлеровщины, останутся до конца жизни овеянными впечатлениями исторической весны 1945 года, когда после эпических боев Советская Армия освободила Будапешт от фашистской гадины. Венгры постоянно возвращаются к этой теме, как если бы все это произошло не восемь лет, а, скажем, восемь месяцев назад. Великолепный гигантский монумент на горе Геллерт в честь советских воинов, спасших Венгрию, является самым грандиозным и одним из самых любимых памятников столицы и страны.

Это особое отношение мы, советские делегаты (А. Панкратова, П. Третьяков и я), ощущали и на заседаниях конгресса, и по тому, как встречались наши выступления и сообщения, и по той щедрости, с которой в газетах Будапешта отводилось место рефератам о советских докладах. С напряженным вниманием был выслушан на заседании съезда большой доклад А. Панкратовой о международном значении русской революции 1905 года. Оживленный интерес вызвал он в печати. Да и остальные члены советской делегации не могут пожаловаться на недостаток внимания к своим выступлениям. Так было и на общих собраниях и на более узких, специальных заседаниях, где обсуждались вопросы марксистской идеологии, вырабатывались принципы создания новых учебников для венгерских вузов, формулировались задачи исторической науки в Венгрии.

В венгерской прессе, внимательно следившей за выступлениями советских ученых, широко отмечались, например, два больших доклада, где выявлялись сближения между событиями венгерской и русской истории: 1) между революционным движением 1905 года в России и отражением русских событий в Венгрии (этот доклад сделала А. Панкратова); 2) между грандиозным крестьянским восстанием против феодального гнета, происшедшим в Венгрии в 1514 году, и могучим движением Болотникова в России при Василии Шуйском в первые годы XVII столетия (сообщение об этом было сделано мною).

По мере своих сил советская делегация старалась отвечать на многочисленные и очень существенные принципиальные запросы, с которыми обращались к нам как венгерские, так и другие участники конгресса. Необходимо отметить, что одна из трудностей, с которыми приходится считаться нынешним историкам Венгрии заключается не только в ошибках и пороках идеологического и политического характера, свойственных старой венгерской историографии, но и просто в обилии, если можно так выразиться, «белых пятен» и серьезных пробелов в старой литературе.

Известно, что дворянство долгое время играло главенствующую роль в духовной культуре и политической жизни Венгрии. Оно неохотно и медленно уступало свое место буржуазии, так до конца и не соглашаясь начисто отказаться от своего былого положения, пока народная революция не вымела прочь оба эксплуататорских класса. И казалось, что венгерская историческая литература должна была бы изобиловать трудами по истории дворянского землевладения и крепостного права. Можно было, наконец, ожидать, что и буржуазные историки дадут обширный комментарий к истории проникновения элементов капиталистического развития, разрушивших, в конце концов, феодальный строй. Но в действительности оставленное дворянско-буржуазной исторической наукой наследство в социально-экономической области оказалось довольно скудным. В результате современным марксистским историкам приходится не только критиковать старую историографию, но и многое просто создавать наново на пустом месте.

Экономическая история Венгрии почти не изучена. В этом деле молодым историкам, несомненно, поможет великолепно организованный Государственный исторический архив Венгерской республики. В дни пребывания в Будапеште я смог лишь немногие часы поработать в этом архиве. При этом, разумеется, лишь по одной теме, специально меня интересовавшей в связи с подготовляемым мной исследованием о шведском нашествии на Россию. Речь идет о сношениях Петра Великого с вождем многолетнего восстания в Венгрии против Габсбургов Ференцем Ракоци.

Должен сказать, что мне не приходилось видеть в Европе лучше устроенного архива, чем будапештский с его образцовой картотекой. Благодаря истинно дружеской помощи заведующего архивом историка тов. Перени мне удалось получить фотокопии таких документов, как собственноручно подписанные письма Петра I, письма Головкина и Шафирова, петровских дипломатов и т. п. Эта венгерская документация вместе с той, которая имеется в наших богатых советских хранилищах, позволила мне принять неожиданно полученное приглашение выступить с докладом на юбилее в связи с 250-летием освободительной борьбы, возглавлявшейся Ференцем Ракоци.

Это торжественное чествование одного из любимейших народных героев многовековой борьбы за национальную независимость счастливо совпало с нашим съездом. Оно состоялось 13 июня в одном из самых больших театров Будапешта. Доклад о политических и военных заслугах вождя венгерского национального движения Ференца Ракоци сделал генерал Ногради Шандор.

После него слово предоставили мне. Мой доклад был полностью посвящен дипломатическим сношениям Ракоци с великими державами, в особенности с Петром I, который высоко ценил ум, талант и энергию венгерского патриота. На этом вечере наша делегация по специальному приглашению заняла места в президиуме на сцене театра, до отказа переполненного публикой.

Венгерские участники конгресса, а также представители стран народной демократии неоднократно подчеркивали значение приезда и деятельности советской делегации для дальнейшего сближения историков стран Восточной Европы. Это сближение важно в совместной борьбе за прогрессивную науку, против мнимонаучной фашиствующей публицистики, которая кое-где на западе Европы и в Америке заменяет собой былое научное творчество.

В докладах представителей стран народной демократии, в частности, в докладах венгерских и польских историков, нашел свое отражение большой интерес к русской историографии. Наше внимание привлекли, например, доклад академика Фогароши Б. об отношении Н. Г. Чернышевского к Венгрии и ее истории, доклад Нидерхаузера Э. «Герцен и Венгрия». Отметим также дельный, богатый фактами доклад Элекеша Л. «Союзники и враги венгерского народа в борьбе против турецких захватчиков» и доклад Эмбера Д. «Помощь, оказанная советской исторической наукой новой венгерской исторической науке». В этом докладе отмечены заслуги Б. Грекова и указывается на серьезную роль советских вузовских учебников с точки зрения интересов преподавания истории в Венгрии.

Конгресс проходил под лозунгом, сформулированным тов. М. Ракоши на II съезде Венгерской партии трудящихся, о том, что пришло время возродить животворные, прогрессивные традиции венгерской истории: согласно этим традициям, Венгрия была сильной и уважаемой тогда, когда она связывала свою судьбу с делом международного прогресса.

Большое количество докладов на конгрессе было посвящено вопросам совместной борьбы против общих врагов венгерского народа и соседних с ним народов. Это, например, доклады о совместной борьбе народов Восточной Европы против турецких захватчиков, немецких феодалов, гитлеровских захватчиков. Ряд докладов был посвящен выяснению связей венгерского рабочего движения с румынским, чехословацким, польским, русским рабочим и революционным движением.

...Мы покидали этот прелестный город с его шумной уличной жизнью, нарядной и жизнерадостной толпой людей, доброжелательность которых к собеседникам светилась в их глазах.

Мы увезли с собой теплое, душевное воспоминание о проведенных в Будапеште днях. И одним из самых последних зрительных впечатлений был уже упомянутый колоссальный, видный всей столице монумент на горе Геллерт, воздвигнутый, как на нем высечено, во славу «Освободителям — советским героям, от благодарного венгерского народа».

Всеволод Илларионович Пудовкин

Писательская общественность глубоко скорбит об утрате, постигшей все советское искусство: умер Всеволод Пудовкин, крупнейший советский кинорежиссер, с чьим именем связана вся история советской кинематографии, вдумчивый воспитатель творческой молодежи, видный общественный деятель.

Поставленные В. И. Пудовкиным фильмы «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана», «Суворов» и «Адмирал Нахимов» стали классическими, навсегда вошли в сокровищницу мирового киноискусства.

Велика и плодотворна была также литературная деятельность В. И. Пудовкина. Долгой жизнью живут написанные им и переведенные на десятки языков книги о мастерстве режиссера и о работе актера в фильме, запомнились читателю его глубокие и отточенные статьи об искусстве, его страстные публицистические выступления.

Советские писатели навсегда сохранят в памяти труды талантливого художника и его незаурядный человеческий облик.

СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-43, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б02810.